Над Миусом

Владимир Дроздов

SHOUT
SHARE
IT

- Дроздов Владимир

Дроздов Владимир
Над Миусом

Владимир Дроздов

Над Миусом

"Над Миусом" - вторая книга ленинградского писателя Владимира Дроздова. Первая его книга - "Наведение на цель" - вышла в издательстве "Советский писатель" в 1973 году.

В. Дроздов по профессии военный летчик, участник Великой Отечественной войны, и пишет он о летчиках. Одни рассказы посвящены предвоенному времени ("Тягач", "Ввод в строй", "Прыжок", "Коля-воробей", "Два рассказа бывшего курсанта", "Приключение "двойки"), другие рассказы и повесть "Над Миусом" - о войне. Дроздов точно и зримо описывает бой в воздухе, лаконично, с большой психологической достоверностью передает динамику ощущений летчика.

ВОЛОДЯ ЛАВРОВ

По давней привычке, сложившейся в годы деревенской жизни и надежно закрепленной распорядком летной школы, он проснулся еще до рассвета. В темноте не сразу понял, где находится. Пошарил рукой по табуретке у изголовья. Нащупал китель и на нем... звезду! Плотную, вескую-тотчас представил ее себе: золотую, с маленькой красной колодкой... Да, вчера получал в Москве.

А сегодня он снова на фронте.

Недолго Володя полежал неподвижно-припоминал, как же это было. Потом нагнулся и, хоть и вслепую, неслышно (не разбудить бы ребят!) раскрыл чемодан.

Вынул из него новенькую, тонкой шерсти гимнастеркув ней ловчее будет летаться, чем в кителе. Принялся одеваться. Нетерпение жгло, но Володя себя одергивал:

"Не спеши!" И досадовал, что никак не может отделаться от нелепой мальчишеской торопливости в ожидании предстоящего полета. А ведь сколько раз давал себе обещание не пороть горячку, особенно перед боевым вылетом!

Одно оправдание: он же почти две недели нс летал--соскучился.

Володя натянул легкие хромовые сапоги на топкой подметке и бесшумно вышел из землянки. Однако по отвычке от самодельных лестниц сделал слишком большой шаг и нагнулся, чтобы не стукнуться головой о низкую притолоку. Вот и зацепил носком сапога за дощатую опалубку следующей ступеньки.

Дернулся, с трудом удержал равновесие-все спешка, спешка проклятая!

Шагая по летному полю, Володя незаметно для себя точно выдерживал направление на то место, где стоял его истребитель "аэрокобра". Рассветало. Техник с мотористом уже возились у самолета. Пришлось принять рапорт от подчиненных. Одним прыжком он взметнулся в кабину. С наслаждением подвигал ручкой, пошевелил ножными педалями-будто полетал! Потом, уже поспокойнее, осмотрел приборы, погонял мотор на всех режимах.

До завтрака успел еще пролезть под весело приподнятым хвостом "кобры" (благо ложиться не надо-не то что у "яка"), заглянул за капот, придирчиво исследовал шасси.

А после завтрака командир полка майор Ковач разрешил старшему лейтенанту Лаврову один полет по кругу в паре с ним. И вроде остался доволен - послал еще слетать со всегдашним ведомым, лейтенантом Тарасенко, па прикрытие посадки группы, возвращающейся с боевого задания. Но больше летать не дал. Сказал:

- Отдохни после перерыва. А то с непривычки дров наломаешь, не хочу за тебя перед генералом глазами светить.

Командир дивизии генерал-майор Строев в это время как раз прилетел на аэродром полка, однако старший лейтенант Лавров постеснялся через голову Ковача обращаться к генералу с просьбой разрешить полет-все же нарушение субординации.

С горя он пишел па курган-загорать. И добрый час пролежал, наблюдая, как над аэродромом непрерывными волнами проносятся в сторону фронта наши штурмовики и бомбардировщики. Для их прикрытия от атак "мессеров" с летного поля его полка то и дело взмывали в небо истребители. На ходу догоняли, пристраивались сверху и сзади... Володя радовался: все-таки он поспел к началу нашего наступления! Уже второй день артиллерия, пехота и тапки прорывают мощный оборонительный рубеж немцев-знаменитый Миус-фронт. И летчики с воздуха поддерживают атаки наших войск.

Володя быстро оделся - сейчас он пойдет к майору, снова попросится в воздух.

Едва успел спуститься с кургана, как навстречу вышли из кукурузы летчики его звена. С веселыми возгласами все трое набросились на своего командира - бороться. Давно это повелось: втроем на одного. Так, по их словам, все же "появлялся хоть один шанс на победу".

Вот и сейчас свалить Володю никак не удавалось. Правда, и он пока что никого на землю не бросил-облепили!

Неожиданно Астапов подлез снизу, ударил под коленки.

Все-таки Володя, даже падая, сумел перевернуться на живот- он всегда ненавидел чувство беспомощности, которое испытываешь лежа на спине. Ну, понятно, вся компания, торжествуя, навалилась на него сверху. Но он ворочался, выдирался, пока зеркальце в кармане гимнастерки не лопнуло, не рассыпалось на мелкие осколки.

Пришлось их оттуда вытряхивать на глазах у ребят. Вид у него при этом, конечно, был... не ахти - зеркальце ведь подаренное! Но тут за Лавровым прибежал моторист - им надо лететь всем звеном на прикрытие войск. Это генерал Строев распорядился. Новость хотя и не. примирила Володю с потерей подарка, однако смягчила досаду.

Только вот при получении от майора Ковача боевого задания Лстапов брякнул:

- А Лавров-то зеркальце разбил, так чуть с горя ис зарсвил!

И майор Ковач, смеясь, предложил:

- Ну смотри, герой. Не то могу вместо тебя слетать.

Володе было и стыдно и обидно, что не может отбиться от подозрений в суеверности, - не хотелось объяснять, рассказывать о подарке. Он только буркнул:

- Сам полечу, приметам не верю.

Майор Ковач тряхнул чернявой, словно в мерлушку одетой, головой - как бы поставил подтверждающую точку.

Однако как ни спешил старший лейтенант Лавров, как ни подгонял летчиков своего звена, - все равно время подготовки к вылету зависело от Николая Тарасенко.

Колька не горазд был торопиться, а от насмешек отбивался поговоркой:

- Поспешишь при сборах-отстанешь в пути!

Правда, в воздушном бою Николай от своего ведущего никогда не отставал-надежно прикрывал его, всегда вовремя отражал атаки "мессеров". Поэтому, как ни глодало Володю нетерпение, он оставил Николая в покое.

И вгляделся в ту сторону неба, куда им предстояло лететь.

Горизонт на западе был затянут серой пеленой военной дымки. Едкую известково-черноземную пыль Донбасса взвихрили разрывы бомб и снарядов. Она смешалась с пороховым дымом и гарью. А сильные восходящие потоки нагретого к середине дня воздуха подняли все это над землей. И военная дымка заволокла поле сражения.

Издалека она, пожалуй, была похожа на театральный занавес- плотная плоская завеса. Но старший лейтенант Лавров еще по опыту Сталинграда знал: военная дымка расползается глубоко

внутрь обороны. Пролетая сквозь нее, летчики плохо видят идущий на земле бой, не всегда могут различить, где свои войска, где чужие. И хуже того: друг друга теряют из виду! Надо очень хорошо изучить местность, все ее приметные ориентиры, чтобы точно назвать пункт сбора звена после выхода из дымки.

А на выжженной солнцем и боем земле глазу часто не за что зацепиться. Ни деревца, ни кустика. И селения все на одно лицо: белые хатки, крохотные палисадники с подсолнухами и мальвой да выбитые добела шляхи. Конечно, не так уж и высок забор военной дымки, через него легко перемахнут "аэрокобры", не разрывая строя. Только высоту придется набирать над аэродромом... А если проскочить под дымкой бреющим и уйти в набор за линией фронта? Тогда и к Саур-могиле-туда, где "юнкерсы" частенько бомбят наши вырвавшиеся вперед танки, - можно будет подойти из тыла противника. И немецкие летчики не сразу разберутся, еще примут за своих. Первая атака получится неожиданной...

Так Володя и решил. Показал ребятам на карте, где удобнее пересечь линию боевого соприкосновения бреющим полетом.

Но вот его звено взлетело. Строем "фронт" все четыре "аэрокобры" крыло в крыло понеслись вдоль широкой с покатыми берегами балки. Мимо, мимо мчались отлогие склоны ложбины, заросшие бурьяном, полынью, выжженной солнцем травой. Но впереди поворот-не взмыть ли повыше над ровной поверхностью степи? Володя взял на себя ручку управления. Так-совсем чуть-чуть. Послушная рулям "кобра" мгновенно вынесла его над берегами балки. И, словно связанные одной ниточкой, взмыли за своим командиром Тарасенко, Астапов и Седых

Внезапно из-за поворота той же балки навстречу и слегка наискось вылетели четыре "мессера". Они, видно, пошли вверх немного круче и теперь как бы нарочно подставили под удар свои бока и животы.

В голове Володи мелькнуло: "Ага, попались!" Нажал гашетку общего огня. И тотчас у среднего "мессершмитта" стало медленно отрываться крыло. И все так же неторопливо-как во сне-"мессер" перевернулся, прочеркнул небо черным крестом, повалился... Одновременно и крайний слева "мессер" окутался облачком дыма, бессильно клюнул... Володя понял: это Астапов командир второй пары его звена - не растерялся.

Нет, "мессершмнтты" ке успели ответить, в какие-то доли секунды разошлись с "кобрами", едва не задев друг друга. Промелькнуло лицо немецкого летчика - редко Володе приходилось видеть врага так близко. Он даже невольно обернулся и с радостью про себя отметил: все четыре "кобры"

целы! Но сразу вслед за тем военная дымка поглотила пару Астапов - Седых, и только невозмутимый ведомый Лаврова Николай Тарасенко ни на метр не оторвался от своего ведущего, продолжал идти крыло в крыло с Володей.

Конечно, и "мессеры" скрылись в дымке. "Небось ни до чего им теперь, чешут домой!" - позлорадствовал про себя Володя. А вслух скомандовал по радио:

- Астапову и Седых самостоятельно выходить в квадрат двадцать четыре семьдесят восемь.

Понимал: дымка помешает тут же восстановить строй звена. И стал осторожно-как только мог более полого - снижаться, ушел опять на бреющий. А еще через минуту дымка над головой заметно поредела-Володя с Николаем начали набирать высоту. Подумалось о счастливом совпадении: "мессеры" не только выбрали один и тот же, что и "кобры", маршрут, но еще на одном и том же повороте взмыли. Вот он и свалил своего двадцать шестого фрица. "Да, просто повезло!" - Володя отмахнулся от этой мысли, а где-то в глубине души все равно угнездились радость и гордость.

Но вот чуть ниже зловеще мелькнули черные кресты, остро блеснули фонари двух кабин-"рама"! К немецкому самолету "фокке-вульф-189" не зря прилипла эта кличка - его два фюзеляжа соединены поперечинами крыльев и хвоста. "Фокке-вульф" повернулся и неспешно направился домой-в тыл.

Володя знал, как ненавидит наша пехота этого фронтового разведчика немцев. О нем даже слух пустили: бронирован! И усмехнулся, подумав: "Вот мы сейчас проверим, благо зверь сам на ловца бежит". И крикнул:

- Николай, атакую "раму"!

Переворотом через крыло "кобра" устремилась вслед за "фокке-вульфом". А он продолжал неторопливо идти прежним курсом. Володя обрадовался: разведчик не заметил наших истребителей! Во всяком случае, почему-то не использовал легендарную маневренность своего самолета. И Лавров заспешил: открыл огонь с большой дистанции-слишком рано! Сразу же подосадовал: ведь тем самым только зря себя обнаружил...

"Рама" дала крен-вышла из поля прицела. И Володя довернул за ней. Недостаточно. Еще довернул.., В нетерпении он бросил самолет в короткое пике, дал новую очередь.

"Опять спешка!" - одернул себя Лавров, поняв, что промахнулся. Еще доворот. И - ближе, ближе!

Володя видел: по нему тоже вовсю ведут огонь. Однако хотя в душе он был уверен, что - мимо, все же рассудок шептал: "Не зарывайся! Оцени трезво расстояние, не пора ли выводить из

атаки?" И одновременно во весь голос в нем кричал азарт охотника: "Доводи поближе, еще ближе! Только тогда ударишь наверняка!"

А ведь Лавров отчетливо понимал, что тяжелая "кобра" даже после выхода из атаки не сразу изменит направление полета, будет еще какую-то долю секунды по инерции идти на "раму", может с ней столкнуться!

Но азарт не давал ему ставить рули на выход из атаки.

И вот Володя наконец нажал гашетку общего огня.

И увидел: по немецкой машине как бы волна прошла, "рама" вся вздрогнула и затряслась. "Эх, до чего же хороша на "кобре" пушка!" - еще успел воскликнуть про себя Лавров и дал рули на вывод. Заторопился: "Вот сейчас отвалю боевым разворотом вправо..." Но тут он почувствовал удар и потерял сознание.

НИКОЛАЙ ТАРАСЕНКО

Да, впервые он вернулся из боевого вылета одинбез своего ведущего, командира, друга...

Когда подобное случалось с летчиками других эскадрилий, Николай всегда придирчиво расспрашивал ведомых. Одни выглядели удрученно, честно признавались:

"Прозевал атаку "мессера", вот и не уберег". Бывали и такие, что сначала напускали на себя небрежность: "Ведущий сам зарвался, в мою сторону даже ни разу и не глянул... А тут меня "мессеры" боем связали..." Однако вскоре под упреками ребят сникали и эти слабаки. Николай уже чувствовал в их сбивчивых ответах и горечь, и виновность... И тогда прощал. Понимал: если не слеталась до полной слитности пара истребителей, то общая это их вина, а значит-и беда общая. Только про себя Николай думал: "Никогда такого у нас с Володькой не будет". И вот "оно" пришло.

Конечно, если в групповом воздушном бою разорвались ведомый с ведущим, на момент потеряли друг друга, - их часто и винить нельзя. Чего только там не бывает. А главное-оба на виду у всех летчиков группы.

Во время разбора командир полка да и все ребята совместно рассудят, определят, что н кто в бою мог упустить.

И никаких обид, никаких ложных обвинений после разбора уже не будет.

Но сегодня они с Володей дрались вдвоем, да еще за дымкой этой проклятой... Ни генерал Строев на своей станции наведения, ни Астапов и Седых не видели боя с чертовой "рамой".

Теперь Николай один за двоих в ответе. Как скажет, так и примут. Верят: Тарасенко врать не станет...

Эх, Володька! Только что звезду получил и так увлекся! А

ведь раньше всегда у него азарт в одной упряжке ходил со строгим расчетом...

Сразу после посадки Николай все рассказал ребятам.

Они его окружили, едва успел вылезти из кабины. И майору Ковачу тут же доложил:

- Старший лейтенант Лавров, преследуя "раму", подошел слишком близко и на выводе из атаки столкнулся с ней. От удара Лаврова выбросило из кабины. Падая, Володя раскрыл парашют и благополучно приземлился в балке, за линией фронта. Немцы его не заметили. Он спрятался в сарае. Я прошел рядом бреющим полетом - ровное место. Думаю, можно сесть. Если не на "кобре", то на "кукурузнике" - вполне. Я хоть сейчас...

- Сколько от линии фронта?

- Километров семь-восемь.

- Покажи на карте.

Николай показал, и Ковач протянул разочарованно:

- Там, наверно, кругом полно фрицев. Тылы всякие, резервы...

- Говорю-никого! Резервы небось брошены на участок прорыва -к Саур-могиле.

Ковач взлохматил свою негритянско-цыганскую шевелюру, посерьезнел лицом, сказал:

- Нет, такое нам без генерала не решить. Пойду на узел связи, а ты пока боевое донесение пиши.

Все то время, что Николай страдал над боевым донесением, ребята к нему приставали:

- Где, когда и как вы с Володькой встретили "раму"?

Рассказал.

- С ходу Лавров атаковал или со стороны солнца?

- Какое солнце, дымка же. Володька прямо на "раму" пошел.

- А "рама" вела огонь?

- Конечно, только мимо.

- По Лаврову или по тебе тоже?

- Только по нему, в меня ей вообще было не попасть - я же вроде противозенитного маневра делал.

- Что же Володька не дал ей по хвосту как следует?

- Да она виляла! Он бил, но тоже мимо. Вот и вздумал поближе подойти, наверняка ударить.

- Как столкнулся-то?

- А "рама" в тот момент хотела, видно, в пике уйти - нос опустила. Одновременно и Володька из атаки вышел. Его "кобра" только успела на дыбы стать. Да так, словно конь в цирке, и надвинулась на "раму". Со стороны показалось: сцепились хвостами! Но нет, обломки сразу посыпались, хвосты у обеих машин отвалились.

"Рама" тотчас кульбитом пошла кувыркаться вниз.

А "кобра" вроде еще немного вверх полезла. Однако тут ее перевернуло на правое крыло... Я только подумал:

"Штопор!" - гляжу: дверки кабины откинулись! И в тот же момент "кобру" сильно тряхнуло - так что Володьку из кабины далеко в сторону выбросило.

Ребята немного помолчали, потом про парашют спросили. Николай ответил:

- Володька не враз его открыл. Я даже испугался: не ранен ли? Но нет, он свободным падением недолго пролетел - дернул. Потом еще стропы подтягивал - скользил. Значит, увидел внизу сарай, надумал в нем укрыться.

- А когда приземлился, не подал тебе какого-нибудь знака?

- Он же торопился! Тут еще парашют надо собрать, в сарай поскорей сховаться... Ну, махнул рукой на прощанье... Может, хотел сказать: "Уходи, не демаскируй меня!"?

Николай смолк, уткнулся в донесение. И ребята разошлись кто куда. Все надеялись, что Володя не в плену и, возможно, вернется в часть...

Майор Ковач не застал комдива на станции наведения. И в штаб дивизии генерал еще не прибыл-находился где-то в пути. Пришлось передавать боевое донесение по обычным линиям связи.

Наконец генерал Строев сам прилетел на аэродром.

Сказал майору Ковачу:

- Готовьте Тарасенко к полету на поиск Лаврова.

Командующий воздушной армией приказал Токареву одновременным вылетом полка Ил-2 подавить немецкие зенитки, а также любые попытки пехоты противника помешать посадке Тарасенко. Нам надо прикрыть токаревских "горбатых" и Тарасенко от атак с воздуха. Сейчас слетаю к Токареву, договорюсь о взаимодействии и вернусь к вам.

Николай в это время сидел в землянке командира полка-заканчивал подробный рапорт. Конечно, генерал его прочел, попросил показать на карте сарай и посадочную площадку, на которой Николай собирается сажать свой "кукурузник".

- Вы уверены, что площадки хватит?-спросил генерал. - Придется ведь с бреющего приземляться, а затем и взлетать прямо перед собой. Ковыряться на земле некогда будет.

Как Николай клял себя, что не прикинул на месте размеры площадки, когда проходил над ней бреющим!

И вообще... надо было трезво все обдумать, не ляпать с ходу... Но тогда он не мог собраться с мыслями-тяжело переживал потерю друга. Да и не думал там садиться. Это уже на обратном

маршруте стал соображать.

А сейчас надо честно отвечать генералу. Николай сказал:

- Точных размеров и профиля площадки сообщить не могу.

- А если ее не хватит?

- Дам газ, поищу другую - кругом голая степь.

- Как же вы так? Ведь сказали, что сумеете сесть.

Вот и в рапорте пишете... Зная вас, я вам поверил, дал слово командующему, что обойдемся без новых потерь.

А вы теперь, оказывается, даже толком не можете объяснить, куда будете садиться?

Тарасенко молчал. Да н что тут скажешь?

Он спросил генерала:

- Разрешите идти готовить "кукурузника"?

Генерал усмехнулся, сказал:

- Что ж, идите.

И Николай не только заново проверил все узлы самолетика, еще и совершил на нем две посадки. Старался представить себе размеры площадки, необходимой для предстоящей операции. Садился и, едва "кукурузник" останавливался после пробега, тут же взлетал. Но это на своем аэродроме! Вот если бы он помнил длину той площадки, на которую придется сесть! У него была своя гордость: ходить за Лавровым как привязанный, надежно прикрывать ведущего от атак "мессеров". Легко ли это?

Ребята пробовали. Никому не удавалось повторять за Володькой его боевые развороты, его пике и горки. А Николай? Заранее угадывал, куда сейчас его ведущий метнется, какую фигуру сделает. И подготовлялся. Зато Лавров мог все силы, все внимание отдавать атаке. И не только сам это знал-всем говорил: "Без Николая мне бы Героем нс бывать". А теперь где он, что говорит?

К вечеру военная дымка на их участке фронта подрассеялась. Штурмовики точно вышли нл цели и не сплоховали - удачно подавили огонь немецких зениток и зенитных пулеметов. А "мессеры" так и не появились. И Николай без помех посадил "кукурузник" у того окаянного сарая. Многие наши "ястребки", пользуясь отсутствием немецких истребителей, тоже, как штурмовики, действовали по наземным целям: обстреливали ближние пулеметные гнезда и окопы противника.

Астапов и Седых составляли, можно сказать, личную охрану тарасенковского "кукурузника". Две "аэрокобры" носились над сараем, словно пчелы над ульем, все то время, пока Николай садился, выскакивал из кабины, подбегал к сараю и, ругаясь последними словами, тряс его закрытые на замок двери. Он понимал, что Володи здесь нет, и думал все же: а вдруг - чем черт

не шутит-он сюда вернулся? Но сарай безмолвствовал, и немцы даже не пытались обстреливать ни самого Николая, пока он бегал, ни его самолетик. Да вроде никаких немцев и не было вблизи.

Со смешанным чувством облегчения и досады Николай влез в кабину "кукурузника", взлетел, развернулся над балкой. И опять-таки бреющим, под прикрытием Астапова и Седых, пересек линию фронта, а затем приземлился на своем аэродроме.

Наверно, главную роль в исходе всего предприятия сыграла внезапность. Немцы никак не могли ожидать на этом участке фронта - далеко от района прорыва - нападения нескольких десятков советских самолетов. Из-за дымки они, видимо, прозевали бреющий полет "кукурузника" и не связали налет штурмовиков и истребителей с его короткой посадкой. Разве пришло бы в голову немцам, что русские летчики затеют подобную катавасию ради спасения своего товарища от грозящего ему наутро плена?

Обсуждая на разборе поиск Лаврова, ребята гадали: ушел ли он в сторону фронта или, наоборот, в тыл, где мог спрятаться у жителей? Он ведь знал о начале нашего наступления. Знал, что прорыв уже совершен у Саурмогилы, что в прорыв уже введены танковые и мотомеханизированные корпуса. Значит, мог надеяться, что через несколько дней он вернется к своим.

И никого не удивило, что Лаврова не оказалось в сарае. Ребята прямо заявляли:

- Да разве он усидит? Небось как раз перед вечером и тронулся по балке - ночью спокойнее идти.

Уже засыпая, Николай заметил: а ведь Володькино место на нарах никто не занял! Значит, надеются, что вернется...

АРСЕНИЙ БОРИСОВИЧ СТРОЕВ

Обычно получалось так, что лишь поздно вечером можно было оглянуться на сделанное за день. Да и то далеко не всегда. Вот и сегодня Арсений Борисович ушел к себе из штаба дивизии не сразу после того, как майор Ковач доложил: Лаврова не нашли, потерь нет. А вслед за ним позвонил генерал Токарев н сказал весело: "Ну, мои "горбатые" далп немцам чёсу, фашисты в ответ и не пикнули. А твои-молодцы! Хорошо прикрывали. Небось немцы после нашего налета начнут к этому участку фронта резервы подбрасывать. Пожалуй, мы часть их уведем от Саур-могилы-вроде отвлекающего удара получится".

В сущности, уйти домой Арсения Борисовича заставил доклад техника по вооружению. Оказывается, на "аэрокобре" Тарасенко обнаружен большой расход боеприпасов. Но у Тарасенко в рапорте ясно сказано: по "мессеру"

и по "раме" вел огонь только Лавров. Так по кому же тогда стрелял Тарасенко? Хорошо хоть, что о своем открытии техник не успел разболтать. Видно, почувствовал: тут что-то неладно. Арсений Борисович похвалил его сдержанность.

Дома прежде всего захотелось припомнить обстоятельства этого несчастного вылета. Несчастного? Ведь сбиты три немецких самолета и только один наш. Но если бы арифметикой все определялось! И вообще в последнее время потери почему-то стало труднее переносить, готов себя винить чуть ли не за каждую. Ну, конечно, Лавров - не рядовой воздушный боец... Но не это главное. Получается, будто стоило комдиву нарушить свое же правило - без крайней нужды не вмешиваться в распоряжения командиров полков, - и тотчас же... Ковач летал с Лавровым после его возвращения из Москвы, может быть, что-то заметил? .. Ну, скажем, спешку-такое естественное нетерпение давно не летавшего летчика? И следовало спросить у Ковача, почему он отложил вылет. А комдив просто посочувствовал Лаврову! Как летчик, которому тоже не дают летать.

Генералу Строеву самому запрещены боевые вылеты, но он летает втихомолку. И в дивизии все это знают.

Только приходится просить начальника штаба: "Если позвонит командующий, скажите, что я пошел в землянки летчиков, вернусь через часок". А сам - в самолет и... по газам! И начштадив виду не покажет, что прекрасно понимает, какие это "землянки". Однако в случаях, не терпящих отлагательств, передает по радио в воздух:

"Вас ждут дома". Недавно пришлось прервать боевой вылет. Ведомым у генерала Строева был Николай Тарасенко, и довелось убедиться: он отличный ведомый - ловко "месса" снял. Как ему не верить на земле, если в воздухе он не подводит? Лишь благодаря Тарасенко удалось выйти из боя в трудный момент. А что он мешковат, весь какой-то мятый и ходит вразвалку, переваливается с боку на бок, словно утка... Он и лицом на утку похож: нос приплюснутый, рот, как говорится, до ушей.

Однако главное теперь-после доклада оружейникаэто понять, что скрыла военная дымка.

Ну, предположим, Тарасенко вместе с Лавровым стрелял по "раме". Но почему это нужно замалчивать? В том случае, если оба слишком увлеклись, атакуя "раму", а вывернувшиеся из дымки "мессеры" сбили Лаврова?

Тогда, конечно, вина Тарасенко. Пусть он потом еще и с "мессерами" дрался - отсюда и большой расход боекомплекта. А все же... Ни разу до сих пор Тарасенко не был замечен ни в каком вранье - зачем же подозревать его? Проще предположить, что

"рама" сбила Лаврова, а Тарасенко мстил за друга. Только и в этом случае ни к чему было утаивать собственный расход боеприпасов.

Вот если Тарасенко, ведя вместе со своим командиром огонь по "раме", нечаянно попал в Лаврова?.. Тот в азарте мог и сам подсунуться...

Нет, не стоит гадать.

Арсению Борисовичу вспомнилось, как весной 1928 года он гулял с другом Сашей и случайно вышел на окраину своей родной Пензы... По полю медленно катился самолет! Тогда это еще было необычайное зрелище - друзья замерли.

Но вот мотор взревел, громко затрещал, и самолет все быстрее, быстрее побежал по полю. Друзья даже не заметили, как он оказался в воздухе. А самолет поднялся повыше, наклонился на одно крыло. Саша схватил Арсения за руку, шепнул:

- Смотри, падает!

Нет, самолет выровнялся, только полетел теперь поперек поля. И еще трижды опускал крыло и менял направление полета. Будто специально кружился вокруг Арсения и Саши. Наконец стрекотание мотора стихло, перешло в еле слышное шелестение или шуршание. Перед посадкой самолет начал постепенно приподнимать нос, опустил хвост, недолго пролетел над поверхностью поля на небольшой высоте и вот уж покатился, слегка подрагивая крыльями - как бы приплясывая от удовольствия.

Тогда-то и поклялись Арсений и Саша: станут летчиками. И, конечно, им повезло: комсомол как раз объявил первый призыв в авиацию. Друзья получили путевки.

А потом оказалось: поле, на котором они впервые видели самолет, будущий учебный аэродром! А самолет - их будущая учебная машина. И летать будет их учить ТОТ самый летчик по фамилии Степанов, чей полет они наблюдали. Он на этой "аврушке" воевал еще в гражданскую войну.

Арсений и Саша стали учлетами. Целые дни друзья проводили у самолетов чистили их, мыли, ремонтировали. Однако поначалу многое в машине было им непонятно. То и дело возникали вопросы... Кроме "авро" вскоре появились еще "фарманы", "анрио", "де хевиленды". Их надо было изучать.

Больше всего Арсений любил те редкие минуты, когда вдвоем со Степановым поднимался в воздух. Только, молчаливый и доброжелательный на земле, в полете Степанов чуть ли не зверел, не прощая учлету ни малейшей ошибки. Изощряясь в изящных выражениях, требовал снова и снова - до полного автоматизма - повторять упражнения. И вроде никогда не оставался доволен,

никого ни за что не хвалил.

Арсению иногда хотелось все бросить, уйти в механики - во время ремонта Степанов не матерился, терпеливо объяснял непопятное. Однако гордость не позволяла уйти и желание летать пересиливало обиду. Арсений терпел своеобразное красноречие Степанова и лишь изо всех сил старался не давать инструктору повода для насмешки.

Однажды Арсений на глубоком вираже не справился с моментом перемены рулей - в кабину задуло слева.

И сразу Степанов заорал:

- Вылезай к чертям собачьим! Кому говорю, вылезай!

Они находились в зоне на высоте тысячи метров. И летали без парашютов. Однако Арсений спокойно отстегнулся, встал, перекинул ногу через борт, нащупал носком сапога крыло - начал вылезать... Он не думал в эту минуту, что будет делать в следующую, просто должен был как-то отвлечься от кипевшей в нем обиды.

Вот когда впервые Степанов засмеялся, весело крикнул:

- Ну, молодец! Хоть труса не празднуешь!

И добавил уже по-деловому:

- Давай-ка еще раз глубокий влево, да повнимательнее!

Но и после этого случая Степанов не перестал ругаться. Даже еще изобретательнее сделался.

Вот Арсений как-то зашел на посадку точно по "Т", а финишер прозевал изменения в направлении ветране развернул строго по нему полотнища "Т". Из-за небольшого ветра-боковика самолет Арсения начало сносить, и он не сразу это заметил, поздновато взялся бороться со сносом. Правда, к моменту приземления он все же успел погасить снос. А все равно Степанов целую неделю позорил Арсения перед учлетами, угрожал выгнать из училища...

Арсений старался летать как можно лучше, но Степанов обязательно находил какое-нибудь, пусть самое незначительное, упущение. И ругал, ругал, ругал... Конечно, остальным учлетам своей группы тоже не давал спуску. Однако тогда казалось: Арсения он ненавидит, придирается куда больше, чем к другим.

Однажды вечером во время послеполетного ремонта главный механик похвалил Арсения за быстрое исправление колеса, поврежденного кем-то из учлетов при посадке. И вдруг добавил:

- Ну, готовься! Завтра Степанов выпустит тебя самостоятельно!

Если бы этот доброжелательный человек знал, как подействуют его слова на Арсения!

В ту ночь Арсений почти не спал. Ведь это явное противоречие: инструктор недоволен им, а вместе с тем

собирается выпускать одного. Трудно было понять: как придира Степанов может доверить "аврушку" учлету, которого только что поносил последними словами?

Настало утро. Арсений как ни в чем не бывало произвел с инструктором очередной полет по кругу. Вылез, чтобы получить замечания. И тут, словно сквозь воду, вдруг услышал:

- Иди, садись в кабину! Полетишь самостоятельно!

Один по кругу. Первым в училище вылетаешь, смотри у меня, если напортачишь!

Степанов быстро выскочил из своей кабины, но Арсений влезал в свою медленно, долго устраивался на сиденье...

И Степанова рассердила минутная задержка учлета.

Он вспрыгнул на крыло, закричал: "Ну, чего ждешь, раззява?! Взлетай, так-перетак!" - и быстро сунул вперед сектор газа. Мотор взревел, Степанова то ли сдуло с крыла струёй от винта, то ли он сам спрыгнул. А самолет ходко пошел на взлет. И Арсений, как и полагалось, плавно отжал от себя ручку управления - облегчил "аврушке" поднятие хвоста, отрыв от земли. Он взлетел точно по всем правилам, словно и не был перебудоражен случившимся.

Однако, внимательно выполняя все наставления своего инструктора, Арсений перебирал в уме разные способы мести. Наконец решил: "Сяду не у "Т", где ты меня поджидаешь, а на краю летного поля! И сразу - в лес.

Пока ты до самолета добежишь, я уже из глаз скроюсь".

Воображение подсказывало и как вести себя дальше: сделать крюк по лесу, выйти к железнодорожной станции, забраться в пустой товарный вагон и "зайцем" доехать до Сызрани. А там всегда можно наняться грузчиком...

Мысленно растравляя и подстегивая себя, Арсений незаметно все же развернулся точно по "Т", вовремя перевел двигатель на малые обороты... Видно, из-за выработавшегося уже летного автоматизма зашел на посадку правильно и отлично посадил машину у самого "Т". И спохватился, лишь когда увидел: Степанов показывает ему сжатый кулак с поднятым вверх большим пальцем - хвалит!

Как положено, Арсений зарулил на линию предварительного старта, чтобы получить от инструктора замечания. А Степанов просто показал два пальца мол, разрешаю еще два полета. Это был успех, на какой Арсений даже не надеялся!

И все же потом, на разборе, Арсений стоял в строю хмурый, насупившись: не мог простить бесчисленных обид. А Степанов поглядел на него и при всех сказал:

"Ну, этот гордый летчиком будет". Внутри словно что-то смягчилось. И так хотелось снова подняться в воздух!..

Ради этого он готов был, если придется, и дальше терпеть ругательства, обиды. Но самому себе обещал твердо:

"Всегда буду обходиться с людьми справедливо и человечно".

И вот генералом стал, а до сих пор, кажется, ни разу не изменил слову.

Строев любил летать, в любую минуту готов был подниматься в воздухпросто не мог, да и сейчас не может без этого. Почему же Тима-генерал Хребтов-не понимает?

Год назад, под Сталинградом... Новоиспеченному генералу Строеву удалось сбить одного из асов эскадры "Удет". А по радио (переговоры в воздушном бою велись открытым текстом) немцы узнали-кто, ну, конечно, только фамилию. И через день на аэродромы дивизии были сброшены листовки: "Все равно собьем вашего аса Строева!" Вот генерал Хребтов и запретил ему летать.

И до сих пор свой запрет не снял. Мол, в летчиках пет недостатка, а командиров дивизий всего пять, терять их нельзя. Хотя разве не ясно, что авиадивизия - не воздушная армия. Ею невозможно хорошо командовать, если сам не летаешь. Здесь часто приходится не на словах, а личным примером учить подчиненных.,.

И ведь совсем незадолго до запрета Хребтов, казалось, понимал все это сам же хвалил, когда Строев лично сбил два Ю-88. Правда, он еще не был генералом, но командиром дивизии уже был.

Был приказ командующего фронтом генерала Еременко прикрыть караван барж с бензином. Во второй половине августа 1942-го это было ох как нелегко! Мало того, что истребителей не хватало, что немцы прекрасно знали аэродромы дивизии, бомбили их или блокировали.

Главное, караван с бензином полз от Астрахани до Сталинграда шесть суток! Против течения, да отстаиваться приходилось. И тогда полковник Строев придумал хитрость: двенадцать "яков" припрятал звеньями на трех полевых площадках в засады. Никаких подъездных путей, никаких домиков рядом - голая степь и камыши.

Землянки для летчиков и техников этим же камышом замаскировали. И самолеты - тоже. И никакого хождения или езды поблизости.

Караван немцы, понятно, обнаружили на следующий же день. Рассчитали, что сталинградским истребителям его не прикрыть - далеко. Однако немецкие воздушные разведчики не заметили аэродромы засад. Поэтому бомбить караван послали девятку Ю-88 без сопровождения "мессеров".

И тут из засад вылетели "яки"! Они встретили "юнкерсов" еще

на подходе. Кроме самого комдива, по одному Ю-88 сбили лейтенант Плахов и старший сержант Елкин. Остальные "юнкерсы" побросали бомбы в степи и удрали в полной панике. Но как знать, так ли бы удачно проходил бой, если бы наши летчики не видели, что комдив дерется рядом с ними!

Два дня после того немцы только вели разведку.

И опять-таки не обнаружили аэродромы засад. Вероятно, решили, что в первый раз "юнкерсы" наткнулись на случайно пролетавших мимо "яков". Как бы там ни было, немцы вторично послали свои бомбардировщики без сопровождения "мессеров". И "яки", вылетев из засад, снова не допустили их к баржам. А лейтенант Дранищев и сержант Липская сбили еще два Ю-88. Чем ближе подходил караван к Сталинграду, тем ожесточеннее становились налеты немцев. Однако тут уже вступили в бой все силы дивизии. И баржи дошли благополучно. Командующий фронтом генерал Еременко сказал, что действия истребителей полковника Строева из засад явились ценным вкладом в тактику истребительной авиации. Вскоре об этом напечатали статью в журнале "Вестник воздушного флота", другие дивизии перенимали их опыт...

Да, тогда командующий воздушной армией генерал Хребтов не запрещал своему комдиву летать. Даже шутил: "Без Строева мы бы стояли без бензина".

Конечно, генерал Строев знал: в дружеской близости подчиненного и начальника должна ощущаться грань, которую лучше не переступать. Но ведь умел же он раньше с честью выходить из довольно щекотливых положений.

Вот в 1939-м его-инспектора округа по технике пилотирования - послали проверить только что вернувшегося из Испании комбрига Хребтова. А Строев тогда был всего лишь капитаном. И позаботился о самолюбии друга, сказал: "Тима, я приехал с заданием... Но чтобы ни у кого никаких подозрений не возникло, чтобы никто не подумал, будто их комбрига экзаменуют, ты сначала порули по аэродрому. Ну, так, словно проверяешь, нет ли ям и бугров, достаточно ли он ровен. А потом - раз - и в зону! Мол, сам хозяин, хочу побаловаться..."

И друг все понял. Он прорулил летное поле вдоль и поперек. Остановился перед капитаном Строевым и этак небрежно, словно экспромтом, предложил, высунувшись из кабины: "Не хотите ли, товарищ капитан, со мной в зоне немного поразмяться?" И там Тима работал отлично - инспектор округа по технике пилотирования никаких претензий к полету не имел. И приземлился комбриг Хребтов великолепно. Но после посадки, заруливая на красную линию, сшиб крылом мстеобудку!

Посыпались на землю всякие там термометры, анемометры, чертово это ведро водомерное с грохотом покатилось по полосе...

Переполох на старте!

Позже, оставшись с Тимой вдвоем, он спросил: "Что теперь тебе в графу осмотрительности ставить?" И тот ответил, смеясь: "Конечно, двойку. Но начальству все это дело изобрази с юморком, авось тогда не снимет меня с бригады за проклятую будку". И верно. Начальство лишь похохотало по поводу ведра: как оно по ветру катилось, а технари его поймать не могли, капитан Строев все это в лицах изображал. Так и обошлосьсмехом. Но тогда капитан Строев не был подчиненным комбрига Хребтова, отчасти даже наоборот выходило.

И позже полковник Строев никогда не намекал па прежние дружеские отношения. Не хотел за их счет никаких поблажек ни себе, ни дивизии. Да и тон-всегда уважительный, приветливый-Тима должен был замечать, ценить... Или как раз в нем-то и прорывалась иногда, вопреки всему, обида, когда генерал Строев снова и снова просил у генерала Хребтова разрешения летать и снова и снова получал отказ. Но Хребтову могло стать известно, что Строев нарушает его запрет. Это должно было ожесточить его... Или - сам не летает, а в непослушании Строева ощущает осуждение?

Пусть никогда прямо не высказанное. Наконец, могла заговорить в нем и ревность переставшего летать ко все еще летающему.

Однако ни о чем таком командующему не скажешь.

А вот надо идти на узел связи, сообщать ему о неудаче поисков Лаврова. Не хочется, а надо. Генерал Токарев, пожалуй, уже доложил. Еще и злосчастный расход боеприпасов у Тарасенко... Или об этом подождать, пока собственного мнения не сложилось?

Аппаратная узла связи - маскировочные щиты на окнах обычной хаты, яркий свет в комнатах. Дежурная радистка Аня Брагина закончила работу и, нацепив наушники, с увлечением слушала ночной концерт. Грустная музыка вызывала светлые чувства. И хотелось вспомнить, что это передают, - казалось, что-то знакомое, вот-вот она догадается, а тогда и еще что-то поймет... в самом главном, что так мучает последние дни...

Аня не заметила, не услышала, как в аппаратную вошел генерал Строев. С минуту он постоял за ее спиной.

Да, девушка увлеклась, хорошая девушка-добровольно пошла на фронт, умная, начитанная, отлично работает.

И любит музыку.

Генерал осторожно взял другие наушники. Тут уж Аня

вскочила, покраснела, выпалила:

- Товарищ генерал! Сержант Брагина, дежурная узла связи...

- Слушает серьезную музыку, - продолжил за пес генерал. И добавил, улыбаясь: - Сидите, сидите, пожалуйста! Я тоже, с вашего разрешения, немного послушаю.

Помогает, знаете ли, иногда.

Из наушников, которые он держал в руке, вдруг усилившись, отчетливо донеслась "Струнная серенада" Чайковского. Несколько минут генерал сидел неподвижно, слушал. Потом спохватился:

- Соедините меня, пожалуйста, с командующим.

АНЯ БРАГИНА

Генерал ушел. И "Струнная серенада" кончилась.

Но - не дежурство. Да, до утра еще ох как далеко! Это Чернова полночи спит себе преспокойно на диване. Говорит, что сразу проснется, если услышит вызов. Аня так не может. Всегда для нее главным ощущением в ночном дежурстве остается таинственность ожидания. Все ей кажется: что-то должно случиться.

И верно: ну, хотя бы приходы майора Горова. Сначала он только приносил политдонесения, и Аня их быстро передавала, подклеивая тут же ленту "СТ" на бланк.

А потом они с Горовым стали разговаривать. Так, совсем немного. Он спрашивал, что она читает. И почти всегда оказывалось: Горов это уже читал. И Ане было приятно, когда их мнения о прочитанном совпадали. Иногда он заказывал ей какую-нибудь книгу. И Аня всегда доставала ее в коллекторе. Ведь работа по комплектованию их библиотеки - комсомольская нагрузка Ани. К тому же ей очень нравится, как Горов благодарит. Высоченный, худой, он сгибается в три погибели и делает правой рукой размашистый жест, словно сметает с пола пыль широкополой мушкетерской шляпой с пером. При этом его глаза смеются, и Ане чудится: он сам испытывает удовольствие от своего дурачества. Или оттого, что доставляет радость Ане? Хотя что она ему? Толстая, курносая, лицо круглое. И волосы так, прямые.

Правда, однажды, когда Горов возвращал ей какую-то библиотечную книгу, Аня неожиданно ощутила легкое прикосновение. Вовсе необязательное. Нечаянное? Она подняла глаза (на Горова только так и можно глядетьснизу вверх) и встретила его улыбку-откровенно нежную. Догадался ли Горов, что выдал себя? Ане даже показалось: он смутился! Впрочем, Горов сразу ушел, и, может быть, она все это выдумала, просто ей почудилось.

Нет, нельзя сказать про ночные посещения Горова, что они

"случайные". Это ведь часть его работы. И Ане все равно, с чем он приходит-с книгой или политдонесением, - лишь бы почаще. Ночью Горов почти всегда бывает одет в коричневый кожаный реглан, который ему очень идет. Но вряд ли подчеркивает этим, что он бывший летчик. Скорее всего бережется: у него, кажется, что-то с легкими, из-за этого ему пришлось уйти с летной работы еще до войны. Когда Горов в реглане, его мушкетерский жест выглядит особенно завораживающе. Вот только возраст... Чернова предупредила Аню-мол, Горов староват для тебя. Действительно, пятнадцать лет разницы...

Когда Аня для себя решала проблему "любовь на войне", она всегда считала, что любовь не зависит ни от каких внешних условий. Война? Ну и что? Майор Горов умный, знающий, говорят, на нем весь политотдел держится. И Аня гордится славой майора Горова. Вот и вся ее "любовь на войне". Она ведь не Чернова, которая всюду кричит о своих отношениях с майором Натссовым.

У Ани есть подруги, Наташа н Лиза. С Наташей Аня одногодки. Вместе, сразу после окончания школы в Ленинграде пошли на фронт добровольцами. Наташа никого не любит и о "любви на войне" отзывается скептически. Только не о Лизнной. А Лиза... Ей двадцать три года, и она уже настоящий летчик-истребитель! Аня никак не может к этому привыкнуть. Хотя прекрасно знает, что Лиза над Сталинградом сбила шесть немецких самолетов и здесь на Миусе - два.

Сидя на станции наведения, Аня много раз слышала голос Лизы в воздушном бою. Но ни о своих победах, ни о своей любви Лиза говорить не будет. И не потому только, что Лиза - серьезная, строгая в обычной жизни. У нее и на лице будто бы отпечатана суровость. Высокая, стройная, смуглая, с черными волосами, расчесанными на прямой пробор. Аня, как и Наташа, уважает чувство Лизы: она влюблена в генерала Строева! Да н как его не полюбить? Это же греческий бог! Красавец с медальным профилем. Все греческие боги и герои всегда представлялись Ане красавцами, но не это главное. Главное генерал с Лизой пара! Оба красивые, смелые, благородные.

Еще весной сорок второго, когда стояли под Великими Луками, Аню начали готовить радистом для переброски через линию фронта. А у нее хорошо шла только работа на прием, на передачу-гораздо хуже. Правая рука была недостаточно гибка из-за ранения, полученного при первой бомбежке Ленинграда и плохо залеченного. И инструктор как-то сказал при пей: "Надо ее еще немножко потренировать, а то сразу попадется немцам в лапы". Эти его слова-"...немцам в лапы" - возбуждали

воображение. Ане отчетливо рисовалось, как рацию засекают пеленгаторы, как немцы ломятся к ней в дверь комнаты, она спешит сжечь шифр, а ее хватают... Аня понимала: она боится. Однако стеснялась признаться. Знала: переброска через фронт может начаться со дня на день.

О своих страхах рассказывала только подругам, с которыми жила в одной комнате, - Наташе и Лизе. Наташа подбадривала: "Ничего, справишься! Мы же воевать шли, а не в куклы играть. Ты представь себе, как они наш город бомбят, обстреливают, морят голодом - сразу все страхи пересилишь". Аня добросовестно вспоминала все, что творилось в Ленинграде, когда они с Наташей уходили на фронт. И па время это помогало. Но страх перед провалом и возможными пытками, насилием возвращался. Лиза внимательно осмотрела правую руку Анн. Сказала: "Вряд ли тебе тренировка поможет. Надо показаться врачу". Аня, конечно, не пошла: стыдно было просить себе поблажку.

И вдруг комдив распорядился: послать сержанта Брагкну на станцию наведения. На новой работе Ане почти не приходилось вести передачу. Вся связь шла голосом - открытым текстом. Вот когда поняла, прочувствовала самую суть воздушных боев - как летчики помогают друг другу. Целые дни слушала их радиопереговоры.

Вскоре по голосам уже узнавала всех. И сразу оценила: комдив не позволяет себе никакой ругани, при нем и остальные ведут себя более сдержанно. Сам же комдив только коротко предупреждает: "Чайка-5! У вас "мессер" в трехстах метрах слева!" Или: "Чайка-20! Вас сзади атакуют!" Н приказания отдает спокойно-так и проникаешься его спокойствием.

Сначала комдив носил индекс "Чайка-1", и немцы поняли: это командир. И принялись за ним охотиться. Тогда наши перешли на скользящие индексы. Ане стало труднее вести журнал радиопереговоров, но она ни разу об этом не пожалела. Все равно узнавала каждого по голосу - не надо было заглядывать в перечень индексов. И потом, когда новый командующий воздушной армией запретил комдиву летать, а генерал все-таки продолжал, только безымянно, Лня легко узнавала его по интонациям и по легкому заиканию, которое становилось заметнее в минуты волнения. А однажды даже видела его в воздушном бою!

Сидела на радиостанции наведения недалеко от переднего края. Сама рация-маленькая американская В-100, портативная, но достаточно мощная-находилась в землянке, вырытой в склоне кургана. На его вершине в узком окопчике располагался дежурный летчик-офицер наведения-с наушниками и выносным

микрофоном. Оттуда ему хорошо было видно все, что делалось в воздухе, не то что связисткам из их землянки.

Но тогда Аня сменилась и вышла подышать воздухом.

И сразу увидела: шестерка штурмовиков, которую сопровождали два "яка" (Лиза со своим ведомым), сбросив бомбы, вдруг круто полезла вверх. А ведь обычно "нлы"

после бомбометания штурмуют позиции немцев из пушек и пулеметов. Однако тут они лезли все выше, и вокруг них стали уже возникать белые комки разрывов. Догадка блеснула, когда Аня увидела: над "илами" из облака выплыли одномоторные "юнкерсы" - "лапотники". Так их прозвали потому, что обтекатели на колесах у этих "юнкерсов" похожи на большие лапти или калоши. Но хотя у "лапотников" и скорость невелика, и вооружение слабое, а пехота их не любит. Они бомбят с пикирования - гораздо точнее, чем более крупные двухмоторные "юнкерсы" и "хейнкелн".

Аня прикинула, куда "лапотники" нацелились. Получалось, что вроде собираются бомбить позицию нашей артиллерии к северу от станции наведения - вон уже и в круг там становятся... Но только Аня подумала: "Не спуститься ли в землянку?" - как штурмовики ударили снизу по "лапотникам" из пушек и пулеметов. В ровный гул моторов ворвался жесткий треск - словно горох на пол просыпали. И - Аня даже руками всплеснула!- два "лапотника" из восьми стали падать, дымя и разваливаясь на части. У одного сначала отвалилось крыло, потом хвост, потом второе крыло... А другой, оставшись сразу же без хвоста, закрутился, замахал крыльями, будто старинная ветряная мельница. Так и пошел к земле.

И остальные заметались, посбрасывали бомбы как попало, повернули назад, один даже в облако нырнул! Аня улыбнулась. Однако тотчас и напугалась: на наших штурмовиков сверху, как ястребы на уток, свалилась четверка "мессеров". Теперь "илы" показались Ане тяжелыми, неловкими, неуклюжими... Они медленно переваливались с хвоста на нос - надеялись уйти от "мессеров" к земле?

Но тут оба "яка" сопровождения - Лиза и ее ведомый - взмыли навстречу "мессерам", как бы заслонили собой штурмовиков. Аня испугалась за подругу - два против четырех!

С земли Ане казалось: вот-вот "яки" столкнутся с "мессерами". Уж не на таран ли решилась Лиза? Аня на мгновенье невольно зажмурилась.

И вдруг "мессеров" сзади догнали еще два "яка"! Откуда только взялись? Прострекотали пушки переднего "яка", и один из "мессеров" клюнул носом, пошел к земле. Почва под ногами Ани

слегка вздрогнула, когда этот "мессер" врезался в берег реки на нейтральной полосе.

А оставшиеся "мессеры" закрутились с "яками" в опасном вальсе воздушного боя. Аня во все глаза смотрела.

"Яки" зажимали немцев. И вот уже один, а за ним второй и третий "мессеры" нырнули в облака и больше не вынырнули. "Яки" помахали друг другу крылышками и разошлись.

Аня полезла на вершину кургана. Спросила дежурного летчика: кто это немца сбил? А тот приложил к губам палец, улыбнулся и шепнул:

- Ге-не-рал!

Вечером Аня спросила Лизу: "Куда теперь запишут этого немца? Ведь в формуляр генерала, наверно, нельзя, раз ему запрещено участвовать в воздушных боях?"

Лиза ответила: "Он уже записан на группу; будто мы все его сбили". И, заметив, должно быть, недоумение на лице Ани, добавила: "Наш генерал за славой не гонится, она сама к нему льнет". Аня навсегда запомнила улыбку Лизы - обычно суровому выражению лица подруги она была так несвойственна.

Аня завидует Лизе по-доброму - рада за нее. Хотя и у Лизы тоже не все просто. Конечно, она не станет, как Чернова, везде и всюду хвастать своим особым положением, из-за которого Чернова пытается присвоить себе разные мелкие привилегии. Но вот однажды они с Лизой сидели вдвоем на крыльце своей хатки.

Лиза вдруг прошептала:

- А там у него сын и дочь... - и опустила голову.

Аня обняла подругу за плечи, поцеловала в соленую щеку. С минуту они помолчали. Потом Лиза сказала твердо:

- Но я же летчик-истребитель! Не могу родить!

Они еще недолго посидели обнявшись. На горизонте плясали далекие беззвучные сполохи зарниц, особенно яркие в темноте августовской южной ночи. Лиза сказала:

- Ну ладно, пойдем спать, завтра с утра вылет на сопровождение "горбатых".

Так сказала, будто ей этот вылет в утешение назначен.

Больше Лиза к разговорам о любви не возвращалась.

И Аня - тоже. Хотя иногда ей хотелось пооткровенничать с Лизой.

Конечно, Аня и сама прекрасно понимала: советовать здесь бесполезно все равно все пойдет само собой. Ни от Ани, ни от Горова не зависит, как у них дальше сложится. Да и будет ли это "дальше"? Аня чувствует: Горов немного стесняется своего возраста и положения, не хочет сплетен...

Но разве могли бы они с Горовым сохранить в тайне свои

отношения? И вообще-то все здесь на виду, а уж рота связи всегда "при всем присутствует". Переговоры ведут связистки, и вечерами подруги делятся друг с другом событиями дня - все становится известно всем.

Вот недавно... Аня дежурила и вскочила, когда в аппаратную вошли генерал-лейтенант Хребтов и с ним - очень тучный, пожилой, с усталым умным лицом генерал армии. Аня догадалась: командующий фронтом! И верно: он попросил соединить его с начштаба фронта. Аня сумела сразу получить линию, командующий фронтом отдал какие-то распоряжения. Потом сказал: "Ух, устал!" - сел на диван и жестом пригласил генерала Хребтова устроиться с ним рядом.

Конечно, Аня не все слышала. Шла обычная работа, Аня что-то принимала, передавала. Однако поняла: генерал Хребтов жаловался командующему фронтом. Сначала нападал на какого-то генерала-артиллериста с греческой фамилией, потом и генерала Строева задел. Видно, был недоволен, что вместо комдива их принимает начштадив. Тот стоял поблизости, на диване ему уже не осталось места. Аня знала: комдив в воздухе. И начштадив это знал, только твердо придерживался обычной версии: генерал Строев пошел по землянкам летчиков. И, наверно, генерал Хребтов догадывался, что его надувают, злился.

Вдруг он послал куда-то начштадива. Аня не расслышала-искать генерала Строева? Зато очень хорошо поняла и запомнила задумчивые слова командующего фронтом:

- Вот про таких людей, как генералы Протафилли или Строев, часто говорят: "Много о себе понимают!" Но это-формула дураков. Дурака раздражает чувство собственного достоинства, которым наделены Строев, Протафилли и подобные им. Они ведь - гордые люди. А дуракам кажется: те всем окружающим противопоставляют себя. Нисколько! Они держатся одинаково и с начальниками, и с подчиненными - всегда остаются самими собой. И Строев, и Протафилли-люди богатой, сложной души. Не сомневаюсь: они выше многих интеллектом и нравственностью. Однако не кичатся этим перед стоящими ниже и не лезут на глаза начальству. Хотя превосходно знают работу и превосходно делают ее.

Командующий еще что-то говорил в том же духе, но Аня отвлеклась-заработал СТ-35. И ухватила только самый конец его речи:

- Приходилось ли вам когда-нибудь беседовать с ними о музыке, живописи, литературе, театре? Нет? А я не раз разговаривал и с тем и с другим. И убедился: они любят и понимают искусство, много читали, видели, слышали, помнят. И

даже в военном деле эта их широта помогает им правильно оценить обстановку, принять наиболее правильное решение...

Аня готова была подпрыгивать на своей табуретке.

Но тут в аппаратную вошел генерал Строев. Свежий, подтянутый, радостно возбужденный... Аня подумала: "Наверно, опять сбил немца!" И увидела, каким отеческиласковым взглядом окинул его командующий фронтом, пока комдив докладывал.

Затем командующий (фронтом грузно поднялся, сказал:

- Ну, товарищ генерал, ведите нас к себе-поговорим по душам с генералом Хребтовым.

Генералы вышли из аппаратной, и Ане подумалось:

"Вот и Горов из той же породы". И тут же с гордостью вспомнила его размашистый жест благодарности-взмах широкополой мушкетерской шляпой. Он ей, только ей адресован.

А на следующее утро в аппаратную пришел начштадив, вызвал генерала Хребтова и доложил:

- Товарищ командующий, генерал Строев в составе группы двенадцать Як-1 вылетел на отражение налета немецких бомбардировщиков в район Саур-могилы. Индекс генерала Строева - 21.

Аня догадалась: значит, командующий фронтом разрешил комдиву летать? Да, видно, генералу Хребтову пришлось снять свой запрет. Он ответил начштадиву суховато, как бы нехотя: "Спасибо, учту". И отключился.

Потом пришел майор Горов. Вызвал какого-то капитана Филиппова. Сказал: "В политотделе стало известно, что вы уже давно не отдаете долг майору медицинской службы Гаврилову. Начальник политотдела хотел бы знать, когда возвратите деньги". Капитан Филиппов спросил: "А вы что-адвокат майора Гаврилова?" Горов ответил: "Я выполняю поручение начальника политотдела". И Филиппов сдался: "Передайте-завтра отдам".

Тут майор Горов удовлетворенно хмыкнул. Аня догадалась, спросила:

- На самом деле начальник политотдела не говорил вам об этом долге?

Горов рассмеялся, сказал:

- Ну, умница. Конечно, я Филиппова на пушку взял.

А то, знаете ли, доктор Гаврилов - добрая душа и скромен до невозможности, стесняется долг спросить. У него дети - четыре дочери, внуки маленькие... Только не проговоритесь ему, что я за него вступился. Да вас, наверно, и предупреждать не надо...

- Хотите, ленту уничтожу, чтобы другие связистки не прочли?

- А вам не попадет?

- А вам не попадет, если начальник политотдела узнает?

- Что ж, вместе будем страдать?

Как ей захотелось пожать ему руку! Но она лишь тихонечко до полы его реглана дотронулась. Он, наверно, и не заметил. А ленту спрятала себе на память.

И ВНОВЬ ГЕНЕРАЛ СТРОЕВ

Вот мотор "яка" распевает что-то однообразно-раздольное, как ямщицкие наши песни. И тоска в них, и свобода... А самолет вольно и весело идет за малейшим движением ручки управления, за любым еле заметным отклонением педалей, словно сам охотно и радостно вступает в бой. Как не любить его?

Конечно, и "кобры" хороши. Четко, деловито, маршево поют их моторы, послушны машины рулям, умны.

Не сравнить с тяжеленными, медлительными "китти-хауками" и "томагавками", даже с быстрыми "спитфайрами". Этих англичане хотели сделать покрепче, да переложили магния в дюраль. Ну, а немцы их ошибку учли: били по "спитфайрам" зажигательными, те гпрелитолько успевай с парашютом выпрыгивать. Нет у "аэрокобр" таких недостатков. К тому же на них и радиостанция отличная, и пушка мощнейшая, и скорость - "спитфайру" не уступит. А все же "яки" легче, маневреннее, привычнее...

Однако не из одной любви к "якам" выбрал генерал Строев для первого узаконенного боевого вылета вооруженный "яками" полк Замостского. Вчера в этом полку опытный командир звена старший лейтенант Беликов и лейтенант Самуйлик вернулись без своих ведомых. Вылетело звено на свободную охоту любимый способ боевых действий истребителей. И Беликов еще во время набора высоты заметил: на фоне грозового облака какие-то "яки" нападают на "юнкерсов". Беликов скомандовал ведущему второй пары лейтенанту Самуйлику:

- Давай за мной, атакнем "юнкерсов" с ходу, поможем "якам"!

А под облаками на самом-то деле шла довольно обычная имитация: никакие не "яки" - четверка "мессеров"

наскакивала на своих же бомбардировщиков. Фашистские истребители рассчитывали, что наши летчики примут их за своих (раз нападают на "юнкерсов"). А придут им на помощь - и сами же попадут в ловушку. Но вот что особенно обидно: точно так же поступали иногда и наши при сопровождении своих бомбардировщиков и штурмовиков. Не мог Беликов этого не знать. Забыл?

Какое-то ослепление... Сказал на разборе: "Ошибся", - и все тут.

"Мессеры", конечно, не прозевали. Как ни нажимали Беликов и Самуйлик на газы, все-таки при наборе высоты скорость всегда

меньше, чем на пике. А мнимые "яки", прекратив потеху с "юнкерсами", атаковали звено Беликова сверху с пикирования - на гораздо большей скорости. И не Беликов с ходу, а его ведомых с ходу сбили.

Беликов и Самуйлик после того еще минут пять отбивались от шести "мессеров" (два, видно, шли в резерве - Беликов их сначала вообще не заметил, раззява!).

Наших истребителей спасли лишь частые уходы в облака.

Правда, отчаянная атака Беликова вроде напугала "юнкерсов": они повернули обратно, не решились бомбить прицельно наши танки. Но какой ценой это было достигнуто! Да и, скорее всего, немцам что-то другое помешало.

Позже Беликов объяснил: темно-серый, почти черный фон грозовых туч не позволил различить "мессеров". Вот он и спутал их с "яками". Но силуэты, силуэты! Они-то на облачном фоне еще яснее видны, чем в чистом небе.

А сколько раз обращалось внимание наших летчиков на умение определить по силуэту тип машины?

Генерал включил Беликова и Самуйлика в свою группу прикрытия. И сейчас, по пути в район Саур-могилы, то и дело спрашивал: "Кого видите справа, слева, над нами, под нами?.." - благо к Саур-могиле и обратно сновали во множестве бомбардировщики - "пешки" и "бостоны", штурмовики - "илы", истребители - "яки", "лавочкины","кобры"...

Но Беликов и Самуйлик, да и другие летчики группы отвечали правильно подзубрили силуэты перед вылетом.

А грозы прибили пыль, растворили, осадили сухой туман военной дымки-видимость над Миусом резко улучшилась. Однако при подходе к Саур-могиле горизонт снова стало заволакивать. То ли очередная гроза приближалась, то ли военная дымка передвинулась на участок прорыва наших войск вместе с огнем артиллерии и авиации... Генерал запросил станцию наведения о воздушной обстановке в районе Саур-могилы. Ему сразу ответили:

- Чайка-21! Со стороны Мокрый Еланчик на Колпаковку, Степановку идут восемнадцать Ю-88 под прикрытием шести "мессеров". Высота три с половиной. В районе цели патрулируют еще шесть "мессеров" на высоте четырех тысяч. Со стороны Куйбышева на той же высоте к ним подходят шесть "лавочкиных" Селицкого. Как слышите меня? Прием.

- Я - Чайка-21, вас понял. Дайте видимость по высотам.

Опять ответ оказался коротким, исчерпывающим.

И генерал вспомнил: сегодня на рации наведения дежурит летчик-разведчик капитан Леднев.

Многим истребителям не нравится служить в разведывательном подразделении. Надо уклоняться от боев.

Значит, фрица не свалишь. А что это за истребитель, если он не сбивает самолеты врага? Истребителей награждают за сбитые. Вот разведчики и просят перевода в полк Замостского или Ковача. Но капитан Леднев ни о чем никого не просит. Делает свое дело. И хотя Хребтов скуп на ордена разведчикам, Леднева удалось отстоять - получил и "Красную Звезду", и "Красное Знамя". Летчик опытный - семь лет уже летает, войну еще на "ишачках" начинал. И все в разведке. Правда, вид у него смешной: высокий, сутулый - словно цапля у воды стоит, выжидает. Того гляди нацелится клювом - носом своим длинным - да и клюнет рыбешку.

А что мрачноват, молчалив, с предложениями на разборе не лезет... Зато никогда от него никакой глупости не услышишь. Все-то он книжки читает, часто письма пишет. Ровесник и тоже старый комсомолец, а в авиацию вроде сам не рвался - много позже из студентов по спецнабору попал. И по службе не хочет продвигаться: ни в командиры звена, ни дальше. "Нет, говорит, не жажду людьми распоряжаться. Я - солдат, рядовой, таким и останусь". А вот Хребтову все равно Леднев не нравится: "Он и на летчика не похож - слишком скрытный... У него небось и друзей-то нет?" Да ведь Леднев на восемь-десять лет старше остальных, какая уж тут дружба? А уважают и ценят его все.

Эх, Тима, Тима! Еще какие у тебя самого-то на дружбу взгляды? Были ведь и мы друзьями, а если б не командующий фронтом, до сих пор сидел бы генерал Строев на земле под запретом друга. Хорошо, командующий скадал Тиме: "Родители вольно или невольно учат детей своим примером. По положению мы с вами, пожалуй, уже в дедушках состоим. Но генерал Строев еще у летчиков дивизии в отцах ходит. А мальчишкам всегда необходимо твердо знать, что их отец - самый сильный, самый ловкий и самый умелый. Это уж дед-самый мудрый. И давайте не будем мешать генералу Строеву оставаться отцом своих солдат".

Он-то, конечно, мудрый дед... Но и Тима ответил мудро: "Я не против, только вот не хочу, чтобы его дети осиротели".

Ну, посмеялись все трое. А потом командующий задумчиво так промолвил: "Да, на войне убивают... И хорошо, когда те, что сидят в штабах, помнят об этом... не только про самих себя. Но все же взрослых сыновей приходится выпускать из-под крылышка. Чтобы свое мужчинское звание не потеряли".

Может быть, так же с Лавровым: не ошибся ли комдив, когда, вопреки запрету Ковача, разрешил Володе боевой вылет? Или запрет запрету рознь? У Лаврова - на один день, у Строева - до конца войны. Нет, не надо было комдиву отменять распоряжение

Ковача.

После того как генерал получил данные о воздушной обстановке, он слегка подправил к северу курс всей группы. И сейчас "яки" догоняли немецких бомбардировщиков-приближались к ним под острым углом. Правда, "мессеры", которые патрулировали над Саур-могилой, развернулись навстречу нашим истребителям. Однако генерал рассчитал: эту шестерку "мессеров" успеют перехватить "лавочкины" Селицкого. И дал команду звену Беликова: связать боем "мессеров", сопровождающих "юнкерсов". А сам двумя звеньями атаковал немецкие бомбардировщики.

Капитан Леднев со станции наведения помогал Беликову и Самуйлику так вести бой с "мессерами" сопровождения, чтобы полностью отвлечь их от "юнкерсов".

Он наводил и предупреждал, и звену Беликова быстро удалось выполнить задание генерала. Леднев вовремя подсказал и "лавочкиным" Селицкого о маневре патрулировавших "мессеров". И "лавочкины" сумели оторвать, изолировать шестерку патрульных "мессеров". "Юнкерсы" остались без защиты.

Первой же атакой генерал Строев сбил замыкающего "юнкерса". Бомбардировщик взорвался в воздухе - видно, снаряд попал ему в бензобак. Но строй немецких самолетов не смешался, не дрогнул. Должно быть, его вел опытный воздушный волк. И генерал Строев вышел из атаки вперед и вниз. В этом секторе воздушные стрелки "юнкерсов" не могли вести огонь по нему и его группе. К тому же генерал хотел произвести еще одну атаку снизу спереди. И сначала промчался вперед по курсу немцев. А затем, рассчитав точку поворота, подал команду:

- Разворот влево все вдруг!

Он испытал радостное чувство, убедившись: его замысел понят и отлично выполнен группой. Сам он очутился как раз против немецкого флагмана. А другие летчики его группы шли теперь каждый навстречу "своему" бомбардировщику.

Генерал еще успел крикнуть:

- Огонь по моторам и кабинам летчиков, выход с отворотом!

Но тут уже все его внимание на несколько секунд поглотил надвигающийся сверху нос флагманского "юнкерса". Немецкий пилот, видимо, слегка отжал штурвал - облегчил штурману стрельбу по советскому истребителю. В тот же момент генерал заметил трассу пуль у левого крыла своего "яка" и, не медля ни секунды, ответил огнем из пушек по кабине штурмана, а потом - переносом - и по кабине летчика. Уже отваливая, генерал боковым зрением различил: флагман валится вниз, разламывается на части.

Острое ощущение торжества усилилось, когда генерал обернулся: кроме флагманского еще три бомбардировщика падали, дымя, нелепо кувыркаясь и разваливаясь на куски. Строй немецких машин смешался. Одни продолжали лететь вперед, другие разворачивались, уходили на запад, сбрасывая бомбы куда попало.

Но и крайний слева "як" - лейтенант Погорелов! - беспомощно зависал, кренился на левое крыло. Вот уж от него отделился темный комок... Ну, слава богу! - открыл парашют. Генерал мгновенно прикинул направление ветра: ничего, у своих приземлится. И тотчас вспомнил: неделю назад Погорелова тоже сбили, только "мессеры". Тогда никто не видел - как. А через три дня Погорелов вернулся в полк и привез подтверждение от танковой части на два сбитых им "мессера". Конечно, с земли виднее - таким свидетельствам обычно в штабе воздушной армии даже больше веры. И генерал приказал представить Погорелова к ордену.

Однако сейчас Погорелов сбит "юнкерсом". У того и оружие слабее, и в скорости, и в маневре он сильно уступает "яку". Истребителю всегда неловко признавать, что его свалили воздушные стрелки бомбардировщиков.

Все эти мысли пронеслись мгновенно. Генерал быстро осмотрелся и отметил: "мессеры" еще прочно связаны "яками" Беликова и "лавочкиными" Селицкого. И надо как можно полнее использовать исключительно благоприятную обстановку. Генерал скомандовал:

- Атакуем тех, кто прорывается к Саур-могиле, преследованием беглецов не увлекайтесь!

Однако после лобовой и выхода из нее отворотами в разные стороны на разных высотах уже нельзя без большой потери времени восстановить строй "яков". Зато теперь легче готовить новую атаку - догон предоставляет для этого больший срок, чем лобовая. А вместе с тем надо спешить, чтобы не допустить прицельной бомбежки наших танков.

И, услышав подтверждение капитана Леднева о сбитых "юнкерсах", генерал принялся вместе с капитаном распределять цели и направлять летчиков своей группы.

В результате третьей атаки "яки" сбили еще четыре немецкие машины, окончательно сломали их строй, не дали "юнкерсам" отбомбиться прицельно рассеяли их еще до подхода к нашим танкам.

Завершив разгром немецких бомбардировщиков, генерал пошел на помощь звену Беликова. Но шесть "мессеров", которые вели с ним бой, поспешно бежали при приближении семи "яков"

генерала.

Однако "мессеры", оказывается, затянули Беликова в район расположения немецкой зенитной артиллерии.

До времени - пока шел воздушный бой - зенитки молчали, опасаясь попасть по своим. Но после бегства "мессеров"... Едва генерал успел подумать: "Сбить девять "юнкерсов" за одного "яка" - это ли не победа? Вот и Тиме доказательство!" - как вся группа подверглась беглому огню зениток. Немедленно генерал крикнул:

- Расчлениться на пары! Маневр!

И бросил свой "як" в левый разворот с подскальзыванием - начал противозенитное лавирование. Он уже перекладывал рули направо, чтобы закончить змейку с потерей высоты, когда вдруг заметил сбоку огненный шар.

Что-то сквозь шлем и наушники туго толкнулось в барабанные перепонки близкий взрыв! Да - прямое попадание в самолет Самуйлика!

Тотчас Арсений Борисович вспомнил свое вчерашнее, такое странное ощущение. Разговаривая с Беликовым и Самуйликом, он испытывал, понятно, досаду на командира звена - виновника потерь. А вот о Самуйлике белоголовом, с правильными тонкими чертами лица и нежным юношеским румянцем на щеках - почему-то подумал: "Неужели и этого мальчишку?" И осекся - сделалось неловко, стыдно. Вчера этот мальчишка вдвоем с Беликовым выстоял против численно втрое превосходивших их "мессеров". Да и сегодня отлично дрался, ни в чем не уступал своему командиру звена. А зенитки - что это: невезение, судьба? Сколько раз "яки" проходили сквозь плотный заградительный огонь зениток, словно вода через решето. И вот - на тебе!..

Они вернулись в район прикрытия. Теперь Генерал особенно придирчиво стал всматриваться в горизонт, опасался плохой видимости из-за военной дымки. И подстраховывал себя-то и дело справлялся у капитана Леднева о воздушной обстановке: с земли все-таки виднее.

Но немцы больше не решились бомбить наши танки у Саур-могилы.

На обратном пути генерал все время требовал от летчиков повышенного внимания, никому не давал ни на секунду расслабиться. Слишком хорошо знал, что неожиданные потери приходится нести, если раньше, чем вернулся на аэродром, покажется, будто уже выполнил задание.

Наконец все десять "яков" благополучно сели. Ненадолго генерал еще задержался в полку Замостского. Понадобилось разобраться, кто сбил крайнего слева "юнкерса" в ходе третьей атаки. На этого немца предъявляли права сразу двое. И по их

описаниям получалось, что да: оба вели по нему огонь, оба могли сбить. Коротов-опытный летчик (на личном боевом счету имеет семь сбитых). Его наводил с земли капитан Леднев.

А Константинов - молодой, у него нет еще собственного счета. Он был выведен с другой стороны в атакующую позицию самим генералом. Видимо, оба ударили одновременно и, возможно, даже не видели друг друга. А хотелось, чтобы новичок ощутил радость победы, поверил в свои силы... Очень уж благоприятной для учебы была обстановка. Не раз приходилось советовать и Замостскому, и тому же Коротову: вот так и учите молодых, помогайте им преодолеть вполне естественную робость, обрести веру в собственное умение. Но Коротов уперся: ему важен счет. А немца не спросишь: "Кто тебя сшиб?"

Так и записали этого злосчастного "юнкерса" сбитым группой.

Уже по лицу начштадива Арсений Борисович понял: что-то стряслось. Однако Георгий Алексеевич не стал входить в подробности, только кивнул в сторону генеральского кабинета.

- Там, товарищ генерал, вас ждут... Майор Михайлюк с летчиками...

Сразу захолонуло: Лиза! Ведь пока он летал с Беликовым и Самуйликом к Саур-могиле, Михайлюк туда же сопровождал штурмовиков Токарева. И Лиза шла в его группе...

Но надо собраться, не подать виду. Спокойно пройти комнату оперативного отдела, взяться за ручку своей двери, войти, как всегда, с приветливым лицом... И все же он, пусть еле заметно, задержался перед входом в свой кабинет.

Комнатенка была переполнена, но никто не курил - знали: не любит. А встали навстречу по-разному: Леснов-старый товарищ-опустил голову. Фокин отвернулся, у некоторых на лицах словно отпечаталась вина, у Соболева печаль.

А Лизы нет...

Арсений Борисович сказал как мог сдержаннее:

- Здравствуйте, товарищи!

И они ответили по-уставному, однако нестройно, кто громко, кто совсем тихо.

- С чем п-пожаловали?

Неужели все-таки где-то в глубине надеялся?

Но Михайлюк начал докладывать, судорожно сглотнув:

- Товарищ генерал, мы потеряли...

И Арсений Борисович жестом остановил майора.

- Я п-понимаю и ценю ваши чувства, товарищи. Всегда тяжело не уберечь давнего друга, с которым крыло в крыло дрался не в одном бою...

Тут он мельком глянул в глаза лейтенанту Соболеву

("ведомый, ты не охранил ее!"), встретил открытый, чистый взгляд и продолжал все так же внятно:

- ...Я был в воздухе одновременно с вами. Наша группа тоже понесла потери - лейтенанта Самуйлика, прямым попаданием зенитного снаряда. - И подумал:

"Вот они теперь начнут сравнивать, обсуждать, как шел бой, почему не смогли защитить Лизу, - ведь говорить о событиях всегда проще, чем о чувствах".

Летчики, действительно, принялись наперебой вспоминать подробности... Да, все это случилось на обратном маршруте. "Яки", удачно прикрыв штурмовиков во время выполнения задания, возвращались домой. И тут из грозового облака на них свалились два "мессера"... Никто не успел заметить вовремя...

Дальше генерал не слушал. В голове проносилось:

"А у меня даже никакого предчувствия! Нет, нисколько не боялся. Хотя еще давно, под Сталинградом, предупреждал: сопровождение штурмовиков-самая тяжелая, самая неблагодарная работа для истребителя. У "горбатых" скорость триста, у "яков" - чуть не вдвое больше.

Им нельзя сопровождать "горбатых" на скорости триста: не будет запаса ее, чтобы вовремя отразить атаку "мессеров". Но у Лизы один был ответ: "Не хочу ничего легкого - ни работы, ни любви". И тогда все вместе (с Леоновым и Фокиным) они выработали прием: идти сзади "горбатых" змейкой, переходя с фланга на фланг, чтобы "яки", пролетая почти вдвое больший путь, чем "илы", сохраняли бы свою почти вдвое большую скорость. Но и позже он не раз предлагал Лизе перейти в авиаразведчики. Ведь жить ей приходилось с девушками из роты связи. А рота, штаб дивизии и квартира генерала располагались рядом с аэродромом разведчиков, потому что те зависели от фотолаборатории штадива-сразу после полета нужно было быстро проявить фотопленку. Да и разведдонесения удобно передавать в штаб воздушной армии по СТ-35 - самым быстрым и верным способом.

Правда, все это он высказывал Лизе, когда в дивизии стали видны их отношения. А Лиза упорно отвергала любые поблажки. И он привык не делать для нее никаких скидок, никогда не ставить ее в особое положение - не унижать покровительством. И даже был ей за все это благодарен... Зато и она ощущала себя человеком-не куклой, на которую примеривают профессию, словно платье...

Тут в сознание генерала вдруг вломились обрывки чьей-то фразы: "... ее ведомого лейтенанта Соболева "мессеры" ранили в первой же атаке, но он не вышел из боя..."

И Арсений Борисович снова, уже с признательностью, как бы прощая, взглянул в глаза этому обычно веселому, очень живому летчику...

А лицо лейтенанта выражало лишь горе-виноватости не прочел на нем Арсений Борисович. И только тогда заметил: левая рука у Соболева забинтована. Мелькнуло:

"Гаврилов успел уже! Старик сам всех раненых встречает на посадке..."

Генерал шагнул к Соболеву, протянул ему руку, сказал:

- Не сомневаюсь, вы сделали все, что могли...

И прямо-таки сияние увидел в широко раскрытых глазах Соболева.

Михайлюк пробормотал еле слышно:

- Да, товарищ генерал, мы обоих гадов сбили, не дали им уйти,.. Одного - Леонов, другого - Соболев с Фокиным.

Он, наверно, уже рассказывал подробно, а сейчас повторил кратко. Заметил, что генерал не слушал?

Михайлюк смолк. Что тут еще оставалось? Только поблагодарить их, подбодрить.

- С-п-па-сибо что з-з-ашли, товарищи! Не упрекайте себя в ее гибели. П-п-пусть эта смерть п-п-послужит нам всем...

Он оборвал фразу.

- Вы свободны, товарищи! Идите, работайте! У нас еще много всего впереди, до Берлина далеко.

Они выходили долго - теснились, цепочкой вытягивались в двери. И сквозь ее приоткрытый створ Арсений Борисович расслышал тихие слова не то Михайлюка, не то вышедших вслед за ним Леонова или Фокина:

- Вот человек! Он же вроде еще нас и утешал.

И эти слова были ему наградой. Но летчики ушли, а он остался.

Да, и его все же настигло то, чего он так страшился.

Лиза, Лиза! Друг, товарищ, любимая, - смелая, искренняя, честная... Нет, невозможно поверить! А надо сдержаться, не дать воли чувствам. Не такое время. Нельзя позволить себе слабость, нельзя хоть ненадолго уйти в свое горе. Наверно, Георгий Алексеевич никого к нему сейчас в кабинет не пустит. Однако и перед ним-начальником своего штаба - не хочет комдив предстать охваченным отчаянием, дать повод для сочувственного разговора...

Но Лиза, Лиза! Милая, такая мягкая, при всей своей внешней суровости. И такая прекрасная, отличная летчица...

Вот их первая встреча-Лиза пришла представиться:

- Сержант Липская прибыла в ваше распоряжение!

А сама глядела строго, чуть ли не сердито. Он подумал: "Хорошо, что не фитюльку какую-нибудь прислали". Спросил, летает ли на "яках". Сказала, что да, только налет часов у нее пока невелик. Это ему тоже понравилось-не хвастает. Спросил, имеет ли боевые вылеты, сбитые самолеты противника. Смутилась-в боях еще не участвовала. И тотчас вскинула голову, сказала с вызовом:

- Здесь надеюсь сбивать!

И он заверил ее: да, здесь она на земле не засидится.

Действительно, уже на следующий день нечаянно оказался с ней в паре пришлось всем свободным отражать налет "юнкерсов" на аэродром дивизии. В бою Арсений Борисович успел вовремя заметить опасность, крикнул:

- Сержант Липская, слева "мессер"!

И по достоинству оценил боевой разворот, которым Лиза вышла из-под атаки. Даже подумал удивленно:

"Отлично сработала!" Но сразу же отвлекся, потерял ее из виду - сам атаковал "юнкерса". Сбил, огляделся - она шла за ним... Неужто прикрывала его атаку? Некогда было раздумывать, строить план боя - просто он метнулся туда, где два "яка" дрались против шести "мессеров". И весь этот бой Лиза не отставала от него, пока не ушли "юнкерсы", не убрались вслед за ними "мессеры".

На земле он спросил Лизу, стреляла ли сама по кому-нибудь. И удивился, и порадовался ее ответу: "Нет, я приглядывалась к вам, как вы сбиваете, училась". - "А если б на меня сзади напали, пока я сбивал?" Тут она почему-то смутилась, не сразу и очень тихо ответила:

"Я бы вам крикнула, предупредила..." Однако после небольшой паузы добавила почти шепотом: "Нет, постаралась бы его сбить, вплоть до тарана..." Сказала и покраснела, словно в любви объяснилась. Или это и было признанием, только он не понял?

Немного позже, когда уже окончательно поверил в ее летные качества, включил сержанта Липскую в ударную группу. Сам оттренировывал летчиков группы на одновременный мощный удар по строю "юнкерсов". Все "яки" фронтом, крыло к крылу, буквально врубались в ряды немецких бомбардировщиков. Те шарахались в стороны, опасаясь тарана, их боевой порядок нарушался, в нем образовывалась дыра, провал. И "яки" туда устремлялись. Они расходились веером, атаковывали шарахнувшихся, и вот уже падали сбитые "юнкерсы", возникала общая паника...

Ударная группа возвращалась на аэродром с победой.

Больше того-они чувствовали себя непобедимыми.

Может быть, летчиков подхлестывало сознание: среди них женщина! Каждому хотелось не уронить себя перед ней, а вместе с тем - сделать в бою больше, чем она.

Ведь она слабее, менее опытна, недавно пришла в дивизию... А Лиза не уступала им, опытным. Пусть полковнику Строеву трудно бывало в бою, зато как радостно на разборе, когда он мог не кривя душой отмечать смелые, умные действия буквально каждого летчика группы. И сержанта Липской в том числе.

Почти всякий раз ему приходилось подчеркивать: вот тогда-то сержант (потом лейтенант) Липская вовремя отсекла (или просто пуганула) "мессера". И каждый раз Лиза вспыхивала. И долго румянец не сходил с ее смуглых щек. Но глаза продолжали смотреть сурово, недоступно, пока однажды Лиза сама не сбила "юнкерса".

Полковник Строев первым его атаковал, вышел из атаки, оглянулся... Немец продолжал полет как ни в чем не бывало. И вдруг клюнул и посыпался вниз, а из-за него лихим боевым разворотом вывернулся "як"

Липской. Арсений Борисович крикнул: "Сержант Липская, поздравляю с победой!"

И тут уж Лиза на разборе не краснела, стояла гордая своим успехом. Правда, улыбалась все же чуть смущенно, словно еще сама себе не до конца поверила. Но глаза смеялись так радостно... Не этим ли вначале и привлекла к себе? И какой-то истовостью, неиссякаемой верой в нашу победу... Не дожила! Раньше (под Великими Луками, в Сталинграде) летчики так часто погибали...

Он не успевал даже приблизительно разобраться в их человеческих качествах-суметь бы фамилии запомнить.

Но теперь, когда знаешь каждого, ценишь, любишь...

Как их терять?

Лиза, Лиза! Как поверить, что нет тебя больше?..

Подполковник Замостский позвонил поздно вечером.

Доложил, что вернулся лейтенант Погорелов. Но - пьяный и с новой бумажкой все от той же танковой части: будто опять он сбил два немецких самолета.

Арсений Борисович спросил:

- Помните, что говорилось на разборе нашего вчерашнего вылета? Каждому сбитому немцу нашли холяина. И капитан Леднев с земли, и мы все в воздухе видели, как был сбит Погорелов. Но чтобы он кого-то сбил - этого никто не видел. Объясните ему.

- С ним не поговоришь, товарищ генерал, он совсем пьян.

- А как же добрался?

- Танкисты привезли, на руках внесли, как мешок сложили в углу на пол, отдали бумажку дежурному по части и уехали.

- Н-н-да!

- Товарищ генерал! Считаю, моей власти мало, чтобы наказать его. Обман командования, недостойное поведение...

- Полагаете, и первое их подтверждение-липа?

- Наверно, товарищ генерал.

- Что ж, придется разбираться. Отберите пистолет и завтра, как проснется, -ко мне.

- Будет сделано, товарищ генерал.

Арсений Борисович дал отбой и сразу же позвонил начальнику политотдела:

- Товарищ полковник! Прошу срочно прислать майора Горова. Я направляю его в танковую часть для расследования подлога, возможно совершенного лейтенантом Погореловым. Помните письменное подтверждение на сбитых? Похоже, это липа. Даю в распоряжение майора Горова машину, надеюсь, он вернется завтра к обеду.

- Но, товарищ генерал...

- Без "но", товарищ полковник. Я прекрасно знаю, на ком держится работа политотдела, однако временно вам придется самому ею заняться. Вы меня поняли?

- Я вас понял.

Через десять минут майор Горов постучал в дверь генеральской хаты. Он был одет по-походному - в кожаном реглане. В руках майор держал маленький чемоданчик. И невольно генерал вспомнил, улыбнулся... Такие чемоданчики в предвоенные годы летчикам было предписано хранить собранными на случай внезапного вызова в часть. Они тогда прочно сдязались с длительными командировками...

Арсений Борисович сказал:

- Товарищ майор, я вас не на Северный полюс посылаю. Однако-с весьма деликатным поручением. Надеюсь на ваш дипломатический талант, на ваш такт и умение обращаться с людьми.

Генерал коротко напомнил о первом происшествии с Погореловьш, рассказал о звонке Замостского и добавил:

- Конечно, вы сами понимаете: бесполезно читать проповеди о неблаговидности подобного поведения. Скажите только, что по их первой бумажке мы хотели представить Погорелова к ордену, но на этот раз все видели, как его сбили. Поэтому вторая бумажка - липа - накладывает подозрение и на первую. Пусть расскажут, где, кто и при каких обстоятельствах наблюдал первый бой

Погорелова. Расспросите, как впервые он попал к ним, как вторично у них очутился. Но все это не в форме допроса - попутно, в ходе доверительной дружеской беседы. Просто вы хотите выяснить истину ради самого Погорелова... Ну, да вы сумеете. Вот как будто бы все. Может быть, у вас есть вопросы?

Нет, майору Горову все было ясно.

Совсем недавно, уже здесь, на Миусе, возвращался Арсений Борисович с ведомым Тарасенко из еще незаконного вылета на свободную охоту в тылу немцев. Никого они с Тарасенко не встретили, никого не сбили.

Арсений Борисович перелетал линию фронта настороженно. И внезапно заметил: совсем недалеко справа из облаков вываливаются... три, пять, восемь Ю-87. Они тут же становятся в круг - готовятся перейти в пикирование, чтобы наиболее прицельно бомбить наши войска на переднем крае. И вот уже за "юнкерсами" из облачности и четверка "мессеров" выскакивает-немцы всегда дают "лапотникам" больше охраны, чем другим своим бомбардировщикам.

Неожиданно откуда-то снизу вывернулись шесть наших штурмовиков Ил-2. Он не заметил их раньше-наверно, летели невысоко, маскировались фоном земли. Но теперь-то зачем вверх полезли? Арсений Борисович даже тихонечко присвистнул - "горбатые" явно шли в атаку на "юнкерсов". Правда, штурмовиков прикрывали два "яка". Но все равно не дело "горбатых" воздушные бои завязывать.

"Илы" ползли вверх медленно, натужно. Конечно, "яки" сопровождения тоже помчались вслед за ними, однако как легко, изящно!

Все произошло очень быстро. "Илы" дали только один залп по "лапотникам". Зато какой! Два "юнкерса" буквально рассыпались на части, один, дымя, заковылял было к дому, но тут же и свалился. Остальные прямо из круга, не переходя в пике, бросились наутек, по дороге кидая бомбы куда попало. Только "мессеры" не поддались панике-обрушились сверху на "илы" и "яки".

Арсений Борисович охватил всю картину боя, уже сближаясь с "мессерами". Вовсю жал на газ, чтобы поспеть вовремя. А "мессеры", видно, не заметили их с Тарасенко, понадеялись на легкую победу, увлеклись атакой. Потому что "илы", взмывая к "юнкерсам", потеряли скорость. И теперь сыпались вниз вразброд, подставляя "мессерам" хвосты. Конечно, у "горбатых" была и другая - своя - задача. Ее, наверно, тоже надо было выполнять. Однако Арсений Борисович мог только умом осудить их за то, что не сдержались, сердцем же восхищался поступком тяжелых,

неуклюжих штурмовиков.

Он сразу понял: "якам" прикрытия надо бросаться навстречу "мессерам". Иначе фрицы посшибают "горбатых". И "яки" так и сделали-смело пошли на "мессеров" в лобовую.

А сам Арсений Борисович вместе с Тарасенко атаковал "мессеров" сверху сзади - из наиболее выгодной позиции. И с первого захода ему удалось сбить одного "мессера". Проскакивая мимо на большой скорости, он как-то непроизвольно уловил: на хвосте ведущего "яка" номер Лизы! Сразу сил словно прибавилось-он, наверно, круче, чем когда бы то ни было, развернулся для второй атаки. И быстро связал боем немецких истребителей.

Хотел уже крикнуть Лизе, чтобы догоняла своих подопечных "горбатых", но "мессеры" вышли из боя, скрывшись в облаках. Им так и не удалось ударить по штурмовикам.

Арсений Борисович ничего не сказал Лизе по радиотолько крыльями помахал на прощание. И она ему тем же ответила.

После посадки он сразу позвонил Михайлюку и распорядился, чтобы его "мессера" записали сбитым в группе на Лизу, Тарасенко и ведомого Лизы Соболева.

А вечером, оставшись вдвоем, похвалил Лизу за правильное решение идти "мессерам" навстречу. Но она посмотрела на него как-то странно сокрушенно, что ли? И сказала: "Вы с Тарасенко спасли нас, а ты меня теперь хвалишь?"

Истребители-разведчики обнаружили и донесли генералу Строеву: наши подвижные соединения вырвались на оперативный простор-уже расходятся веером на северо-запад, запад и юг от Донецко-Амвросиевки. И одна группа танков и мотопехоты идет к Анастасиевке и Екатериновке параллельно реке Мнус, только в тридцати километрах западнее. Чтобы не попасть в окружение, немцы уже покидают свой "неприступный Миус-фронт" - все эти долговременные железобетонные сооружения на высотах правого берега реки. Истребители-разведчики насчитали до трех тысяч немецких автомашин - они вытягивались колоннами по дорогам на Таганрог. Значит, командующий фронтом предвидел правильно: начался общий отход противника. Да, "битву на Калке" мы выиграли! ..

Только... до чего же душно в комнате! Арсений Борисович вышел на крыльцо. И - никакого облегчения.

Все та же духота. Еще и темно. Он сел на ступеньки. Постепенно глаза привыкли к темноте-стали видны белые звездочки цветов табака в палисаднике, да и запах донесся... Лиза любила их... И ничем ее не вернуть...

Вот для Лаврова, вероятно, еще можно что-то сделать.

Тот район, где он, по словам Тарасенко, приземлился с парашютом, уже освобожден. Всего неделя прошла - окрестные жители, наверно, еще могут вспомнить, рассказать, как это было... А если Лавров спрятался у них?

Послать туда кого-нибудь на машине? Но кого? Нельзя по-быстрому, как Горова, - поиски могут занять несколько суток... И надо бы летчика. А им не политдонесения передавать-драться. Хотя теперь, наверно, в боевых действиях наступит новая полоса. Начнется подготовка к перебазированию вперед, за наступающими войсками... И немецкая авиация сейчас будет перелетать в тыл-сократятся на время ее налеты. От дивизии потребуется меньше вылетов на прикрытие войск, изредка - на разведку... Капитан Леднев! Вот кого послать! Он вдумчив, не болтлив...

Генерал вызвал к себе капитана. Напомнил ему о неудачной атаке Лаврова на "раму", как было об этом рассказано в донесении Тарасенко. И-о неудачных поисках Лаврова в районе его предполагаемого приземления с парашютом. Объяснил, что теперь посылает капитана туда же (на автомашине и с двумя автоматчиками) в надежде если не найти самого Лаврова (хотя и это не исключено), то, во всяком случае, получить какие-нибудь сведения. Предупредил об опасности нарваться на мины-показал на карте проходы, проделанные саперами вдоль дороги от Матвеева Кургана, - сам наводил справки в штабе фронта. Наконец, сказал про странное открытие оружейников и заключил:

- Тарасенко докладывал устно и в донесении написал, будто огонь по "раме" вел только Лавров. Но в кого же тогда сам Тарасенко стрелял? И почему об этом даже не заикнулся? Скрыл умышленно или снебрежничал?

Полагаю, до вашего возвращения не надо требовать от Тарасенко никаких объяснений. Ваша главная задача - узнать все что можно о Лаврове. Однако, если попутно выяснится и непонятный расход боеприпасов на самолете Тарасенко, я буду очень рад. Не хочу плохо думать о человеке, который до сих пор такого отношения к себе ничем не заслужил. Я предупредил оружейников, чтобы не болтали про обнаруженную недостачу боекомплекта.

И надеюсь, вы тоже сохраните в тайне рассказанное мной.

- Все ясно, товарищ генерал.

Майор Горов возвратился в дивизию раньше, чем прибыл от Замостского лейтенант Погорелов. К сожалению, Горову не удалось выполнить до конца поручение генерала. В момент приезда Горова эти танкисты как раз должны были выступать-уже снимались с занимаемых позиций. Стрелковая дивизия, которую

они поддерживали, входила в прорыв с задачей развивать успех наших подвижных войск.

От выяснения подробностей танкисты уклонились за недосугом: им наступать надо, а не воспоминаниями заниматься.

Ни такт, ни умение обращаться с людьми не помогли Горову. Зато лейтенант Погорелов сам во всем чистосердечно признался. Впервые он попал к этим танкистам буквально "с неба" - на парашюте приземлился в их расположение. И сразу - в объятия свояка, командира танкового батальона. Как тут было не выпить на радостях? Ведь с начала войны-два года-не виделись!

Благо часть находилась в ожидании ввода в прорыв.

А когда опомнились... как теперь Погорелову в свой полк возвращаться? Могут ведь и дезертирство припаять.

Вот и решили ту бумажку написать-первую. Мол, победителей не судят. Фамилии у них со свояком разные - только и родства, что на двух сестрах женаты. Значит, в кумовстве не заподозрят.

А когда второй раз сбили- Погорелов по пути к свояку заехал. Машина попалась, которая туда шла. Опять же и выпить захотелось, у Замостского очень-то не разгуляешься... Но вторую бумажку сам Погорелов, как он выразился, и в глаза не видывал - ее свояк состряпал, перестарался. Погорелов проклинал свояка, плакался:

"У меня две дочки маленькие..." Спрашивал: "Что мне теперь будет?" "Разжалуют и-рядовым в пехоту. Заслуживать прощение Родины". Так он еще и поторговался: "Да я и здесь бы..." Пришлось разъяснить: доверие потерять легко, а вот снова завоевать - совсем не просто. И до Погорелова дошло: теперь в полку не найти летчика, который согласился бы лететь с ним в паре.

КАПИТАН ЛЕДНЕВ

Пожалуй, Леднева немного смутила эта неясность с Тарасенко... Генерал уже неделю знает о странном расходе боекомплекта на его самолете. Знает и молчит.

Но, значит, верит в порядочность Лавровского ведомого.

А Леднев мало знаком с Тарасенко, чтобы судить, и полностью доверяет генералу. Наверно, генерал поступает правильно. Надо постараться узнать все что можно про Лаврова и про нх с Тарасенко воздушный бой...

Со всеми предосторожностями водитель машины Леднева преодолел проезд в минном поле. На ухабистой дороге бочка с бензином, грохоча и позванивая, как живая носилась по кузову. И автоматчики прыгали, спасаясь от нее, словно кошки, напившиеся валерьянки, - то и дело им приходилось прерывать песню "Эх, дороги!", которую затянули при выезде из Матвеева Кургана. В

заднее стекло кабины полуторки Леднев все это видел, однако машину не останавливал. Не хотелось мешать водителю-тому и так приходилось непрерывно переключать скорости, напряженно крутить баранку. Лишь поднявшись на высоты правого берега реки Миус, Леднев сказал:

- Ну-ка притормози!

Тотчас автоматчики выпрыгнули из кузова, и старший спросил:

- Разрешите, товарищ капитан, иошуровать в немецких окопах? Доски бы найти, укрепить проклятую бочку.

Леднев предупредил:

- Только поосторожнее, немцы могли оставить там мины-сюрпризы. Не хватайтесь ни за какие проволочки, не зацепляйтесь ни за какие выступы. Вообще, будьте повнимательнее.

А сам повернулся к востоку, окинул взглядом пойму реки, полуразрушенный Матвеев Курган, окопы нашей пехоты. Далеко немцам отсюда было видно! С этих стометровых высот весь наш передний край простреливался.

Наверно, только ночью можно было нашим подвозить еду, боеприпасы. Да и то осветительные ракеты не давали покоя... А ведь Ледневу, когда он пролетал через линию немецкой обороны, разница высот между окопами наших войск и блиндажами "неприступного Миус-фронта" не казалась такой большой. И он тогда не понимал, как трудно приходилось нашим пехотинцам. Теперь понял.

- Товарищ капитан! Чего мы нашли-то!

Рывком Леднев оборотился и даже издали заметил: автоматчики необычно возбуждены, взбудоражены. В тревоге бросился к ним на помощь. Она, однако, не потребовалась. Просто парни были страшно удивлены комфортабельностью немецких окопов, блиндажей. Глубокие, сухие, чистые, они внутри кое-где даже были обшиты досками. Но звали автоматчики Леднева посмотреть офицерскую землянку, расположенную чуть поодаль. Действительно, она выглядела как просторная комната - полы, стены и потолок из плотно подогнанных досок.

В правом углу-рояль. Слева-диван, кресла, круглый стол. Над ним электрическая люстра с хрустальными подвесками. На полу - пушистый зеленый ковер.

А на столе... чашки с чаем, печенье в хрустальной вазе, сахар в настоящей фарфоровой сахарнице! И впечатление: немцы только что отсюда ушли - вот-вот вернутся!

Леднев сказал:

- Видите, как поспешно они бежали-даже не допили свой чай!

Нам вот с вами на войне ни диванов, ни ковров не требуется!

- Коврик-то неплохо бы прихватить в дорогу. Сподручнее на нем под машиной спать, чем на голой-то земле, если заночевать придется, - весело заметил старший из автоматчиков.

Леднев рассмеялся, сказал:

- Ладно, берите трофейный коврик. Только и доски, за которыми шли, не позабудьте на радостях.

Первый же попавшийся по дороге хутор Степановский был совершенно разрушен. Ничто не говорило о том, что здесь недавно жили люди. И сады, сожженные, раздавленные танками, походили на какие-то невзрачные, убогие лишайники.

И в хуторах Федоренко, Гармаш, Самарский жителей не осталось, как, впрочем, и ни одного целого дома. А ведь именно в этом районе Тарасенко указал место приземления Лаврова на парашюте. Леднев нашел и тот сарай, около которого неделю назад Тарасенко так смело садился на "кукурузнике". От сарая остались одни кирпичные столбики по углам да гора золы.

Зато Леднев еще издали заметил жителей в следующем хуторе. Они вышли навстречу его автомашине.

И сразу окружили ее, едва она остановилась. Да, многие здесь слыхали; километрах в шести-семи к югу, около хуторов Шароны и Раскиты, неделю назад немцы взяли в плен русского летчика, спускавшегося на парашюте.

Подробностей жители сообщить не могли - в последние дни прятались в подвалах. Немцы ведь угрожали увезти всех трудоспособных в Германию.

- Та им не до нас було, як тикалы! - счастливо улыбаясь, радовались вслух дивчата и жннки.

Конечно, спросили:

- Ну як же там на фронте?

Леднев коротко рассказал о решающей победе на Курской дуге, об освобождении Орла, Белгорода, Харькова, о продолжавшемся наступлении наших войск к Днепру, к Киеву...

А затем скомандовал автоматчикам:

- По коням!

Оба паренька моментально взобрались в кузов, и Леднев повернул машину на юг - поехал теперь вдоль бывшей линии фронта.

Он был огорчен сообщением - летчик взят в плен!

Давно Леднев решил: если его собьют над территорией, занятой немцами, он будет отбиваться до предпоследнего патрона своего "ТТ". Ну, а последний - себе в висок.

И так же, как самого себя, и своих товарищей не мог представить в этом униженном состоянии-пленный!

Поглядывая бегло на мелькающие мимо поля, Леднев все время ощущал... какое-то неудобство, что ли. Наконец, уже подъезжая к хутору Шароны, понял: пажити раздроблены, изрезаны на небольшие полоски! Открытие поразило Леднева почти так же сильно, как впервые увиденные колхозные нивы в конце двадцатых годов. Но тогда, юный комсомолец, он испытывал радость, гордость.

А теперь - горечь. Очень уж жалкими, несчастными показались Ледневу эти сиротские наделы. И он не удивился, когда с одной делянки - из высокой густой кукурузы - вышел на дорогу по-нищенски убого одетый старик. Однако, хотя и в лохмотьях, держался он с чувством собственного достоинства. Неторопливо поднял руку, попросил подвезти его.

Леднев остановил машину.

Тут старик подтянулся-стал "руки по швам", словно по команде "смирно", и одним духом выпалил:

- Иван Семенович Палий - уполномоченный Советской власти!

Невольно Леднев про себя улыбнулся: "Ну, сильна Советская власть! Бывший председьсовета? Нет, вряд ли". Спросил:

- Не слыхали, Иван Семенович, про нашего летчика - будто его недавно где-то здесь в плен взяли?

- Так чего ж я вас остановил-то? Вижу-летчики едут. А дело это мне самолично наблюдать пришлось.

Иван Семенович рассказывал долго. Видимо, ему доставляло удовольствие внимание, с которым его слушали летчик, два солдата и шофер. Леднев быстро понял: да, Палий описывает тот самый воздушный бой двух "кобр" с "рамой". Он даже и число назвал приблизительно верно - двадцать четвертое августа. Правда, у старика получалось, будто бы "один-то русский летчик все из пушки по "драбине", да все мимо, мимо. Ну а она, не будь дура, извернулась да и отбила ему хвост, и сама низко так до земли пошла и за курганами скрылась". Но это, возможно, тоже было падением. А наш самолет, по словам Палия, опускался, кружась, носом вверх. Так же описывал Тарасенко штопор лавровскои машины. Иначе она и не должна падать без хвоста - только вниз тяжелым мотором, расположенным у "кобры" за спиной летчика. Сошлось в рассказах Палия и Тарасенко и то, как Лавров покидал свой самолет - "когда уж недалеко от земли был". Но самое главное, что поведал Палий: наш второй летчик сначала кружился над парашютистом, а потом атаковал автомашины с немецкими солдатами, направляющиеся к парашютисту. Одну из них он повредил - она остановилась, солдаты из нее повыпрыгивали.

По нему вели огонь зенитные пулеметы из хутора Раскиты и с окраины хутора Сальниченко. Однако русский летчик все равно продолжал защищать своего товарища - "отбивал его от немцев". И ушел, только когда на парашютиста наехали три мотоциклиста, сбили с ног...

"Так вот куда пошли тарасенковские боеприпасы!" - обрадовался Леднев.

А старик все говорил и говорил. И хотя он уже не сообщал ничего нового, неудобно было обижать его невниманием. Внезапно Леднева осенило, и он все же перебил Ивана Семеновича:

- Не смогли бы вы показать нам место падения самолета?

Старик просиял:

- Да чего ж не смог бы? Зараз!

Действительно, они легко нашли самолет, подъехали к нему вплотную... Еще издали Леднев узнал "аэрокобру", но как же она была изувечена! Одна лопасть винта сломана, две другие - погнуты. От хвостового оперения сохранилась только кромка киля-Леднев не смог сличить хвостовой номер самолета со свой записью. Зато на картере мотора он сумел разобрать цифры, и они совпадали с данными инженера дивизии.

Старик объяснил, что немцы сначала выставили к самолету охрану, но перед отступлением взорвали мотор и кабину. И верно-обломки стенок кабины, капота и частей мотора были разбросаны вокруг самолета. Однако о дальнейшей судьбе Лаврова старик ничего не знал.

После воздушного боя продолжал работать "на степу", собирал урожай со своего участка. Палий считал, что жители соседних хуторов смогут рассказать больше. Ведь парашютист приземлился у хутора Сальниченко, а в Раскитах шел первый допрос пленного летчика.

Леднев подвез Ивана Семеновича к его хутору Шароны. Старик важно вылез из кабины полуторки, хотя сиделось ему там не очень-то удобно-чуть ли не на коленях у Леднева. "Теперь он, пожалуй, станет называть себя еще и уполномоченным Красной Армии", - мысленно улыбнулся Леднев. А вместе с тем было во встрече Ивана Семеновича с подбежавшими к машине жителями хутора и что-то трогательное, уважительное, хотя выяснилось, что он здесь был до войны всего лишь уполномоченным по заготовке кожсырья. И это почему-то было приятно Ледневу. Как, впрочем, и прощальное напутствие, которым Палий проводил их: "Пожелаю счастья!"

В хуторах Сальниченко и Раскиты капитан записал со слов жителей много подробностей. Рассказ Палия о воздушном бое

жители в общих чертах подтвердили.

А расхождения касались несущественных деталей. Так, например, жители дружно утверждали, что на Лаврова в момент его приземления наехали не три, а два мотоциклиста. По их словам, немцы схватили русского летчика раньше, чем он освободился от парашюта. Мотоциклисты обезоруживали Лаврова вместе с солдатами из подошедшей тут же автомашины.

Видимо, наибольшее впечатление на жителей произвело поведение Тарасенко. Они сами, без наводящих вопросов, рассказали, что второй русский летчик вел огонь по автомашинам, спешившим к парашютисту. Жители восхищались его мужеством. ("Как он своего товарища защищал! Себя не жалел!") Тарасенко убил на одной автомашине двух солдат и нескольких ранил, да и саму машину сильно повредил. Все это они наблюдали из окон домов или прячась в щелях-узких окопчиках, вырытых в садах для спасения от бомбежек и обстрелов.

Издалека жители видели, как солдаты вели пленного летчика от места, где его схватили, к машине. Наверно, был он сильно ранен-все лицо залито кровью. Жители еще заметили: росту он невысокого, но широк в плечахвидно, что человек могучий. Шел он легко, не хромал, однако солдаты все равно его торопили-толкали в спину автоматами. А вблизи никто пленного не видел боялись подойти. Вскоре его посадили в машину, увезли в штаб пехотного полка, который стоял в хуторе Раскиты.

Из этих рассказов капитан заключил, что ранение у Лаврова все же не тяжелое. Только вот по дороге в Раскиты на Леднева опять навалились сомнения. Тарасенко дважды смело рисковал собой - стреляя в немецкие автомашины под огнем зенитных пулеметов и совершая посадку на "кукурузнике" около заведомо пустого сарая. А для чего он скрыл факт пленения Лаврова?

Почему не показал в донесении расход боеприпасов?

Ведь обманывал генерала, командира полка, товарищей. При этом никаких выгод не искал, а добрым именем не боялся поплатиться. Должно быть, Тарасенко, как и Леднев, как, наверное, и многие другие, просто не допускал мысли ни для себя, ни для своих друзей об этом ужасном унижении оказаться пленным.

И когда увидел, что Лаврова схватили, предпочел солгать, чем запачкать память о своем командире и друге...

Особенно подробно рассказывал бывший председатель колхоза Петр Петрович Сальный. Он, как и Палий, работал "на степу", когда разыгрался бой двух "кобр" с "рамой", видел и атаки Тарасенко по автомашинам, и пленение Лаврова. Только Сальный

утверждал, что Лавров таранил "раму", столкнулся с ней, после чего та тоже упала - "плавно так скользнула вниз и трошки ще по земле проползла". Потом немцы погрузили ее на две большие машины и куда-то увезли - наверно, чинить.

От Сального - наиболее толкового из рассказчиков - Леднев узнал, что немцы допрашивали Лаврова дважды: сначала здесь, в штабе полка, а второй раз на хуторе Кислицком, в штабе семнадцатого дивизиона.

Капитан побывал в хуторе Кислицком, подробно расспросил жителей. Там выяснил, что между допросами Лаврова содержали в хате в хуторе Добрицыне. И туда тоже съездил капитан - надо же поговорить с хозяйкой той хаты. Потом возник слух, будто Лаврова увозили в Латоново - "до жандармерии с летной части", потом по хуторам... Весь день Леднев по ним носился собирал сведения, выслушивал, записывал. К вечеру наконец понял: в голове каша. Кто что рассказывал? Где что происходило? А разобраться необходимо. И Леднев решил привести в порядок свои записи на месте - в случае неясности можно переспросить. Хотя об одном и том же событии люди часто рассказывают по-разному. Но Ледневу надо было выделить главное - то, что генерал сможет использовать для доклада командующему воздушной армией.

Леднев начал свой рапорт генералу описанием воздушного боя, как его наблюдали с земли Палий и Сальный. Подробно остановился на мужественных действиях Тарасенко-надо же показать, куда он израсходовал свой боекомплект. Затем продолжал уже о Лаврове...

И прежде всего - про пленение: Лавров не имел времени на самооборону был сбит с ног мотоциклистами раньше, чем успел освободиться от парашюта.

Вот небольшой хутор Раскиты, где велся первый допрос. Белые хатки-мазанки с земляными полами, плетни из ивняка со скамейками-перелазами вместо калиток.

И не только садочки возле каждой хаты, но и высокие пирамидальные тополя вдоль улиц. Перед хатой Анны Семеновны Раскиты тополь особенно могуч, и у его комля - скамья, отполированная сидевшими на ней до зеркального блеска. А в хате был штаб немецкого пехотного полка. Наверно, потому, что она просторнее других.

Однако августовская жара выгнала в тот день всех штабных на улицу здесь под старым тополем и происходил первый допрос Лаврова. Вел его немецкий майор, который и сам немного понимал по-русски. Он сидел на скамейке очень прямо, опираясь локтями на стол.

Рядом стоял переводчик. Этот выглядел весьма странно.

Немолодой, худой, в грязноватых синих бумажных штанах и несвежей голубой рубашке навыпуск, он к тому же был еще и бос. В руках переводчик держал старую заржавленную берданку, и было заметно, что обращаться с нею как следует он не умеет. Присутствовали на допросе и несколько немецких офицеров чином пониже - держались кучкой за спиной майора. Лаврова поставили перед столом, а по бокам и сзади него - трех автоматчиков. Кроме того, все пространство вокруг хаты было оцеплено солдатами, позади которых стояли жители Раскит и дивчата, прибежавшие из других хуторов. Солдаты их довольно лениво отгоняли, но жители только слегка отступали и снова приближались - все слышали.

Прежде всего немецкий майор предложил летчику поесть. Лавров отказался. Затем майор вынул из кармана пачку сигарет и протянул их пленному. Тут Лавров, с ненавистью глядя в глаза переводчику, сказал громко:

- Передай, что у меня есть своя, русская махорка!

Тогда майор спросил:

- За что вы воюете?

И Лавров ответил с вызовом:

- За свою землю, за Родину!

Жители подумали, что летчика застрелят на месте.

Однако майор даже сказал:

- Карош рус!

Тут Лавров рванул ворот гимнастерки и как-то подался вперед, словно хотел шагнуть, но только нагнул голову-набычился. Анне Семеновне показалось: летчик загорелся было что-то сказать и... не сказал. Он сжал кулаки и с минуту так постоял.

Потом пошли обычные вопросы. Лавров отвечал на них небрежно: видно было, что думал о другом.

Вдруг кто-то из-за спины майора спросил:

- Высоко ли летаете?

Даже Анна Семеновна понимала: военные самолеты летают и высоко, и низко-как придется, как потребует боевая обстановка. И Лавров, глянув пренебрежительно на спросившего, так и ответил:

- Как придется.

У Анны Семеновны переводчик, несмотря на свой жалкий вид, вызывал острую ненависть.

- Вин, гад, все немцам доносил да ще к нам, бабам, вязался, - сказала Анна Семеновна.

Ей очень нравилось, что Лавров открыто презирал не только гитлеровцев, но и переводчика. Вообще жителей хутора Раскиты

больше всего поразил тон, каким Володя отвечал врагам, то, что держался он независимо и твердо.

Вот майор спросил:

- Что у вас думают о немецкой армии?

И Лавров сказал:

- Ее считают обреченной, но еще сильной.

Немецкие офицеры за спиной майора стали переговариваться. И майор повернулся к ним, принялся что-то доказывать. А Лавров странно так одернул ремень - рывком вниз.

Иногда Анне Семеновне казалось: слова из него просились наружу, но он их сдерживал.

Один раз летчика все же прорвало, он стал обличать немцев. Мол, зачем они на нас напали. Их не трогали, а они вот что сделали. Теперь пусть не жалуются - сами виноваты. А бить их будем - чем дальше, тем сильнее.

Анна Семеновна поняла: это Лавров не столько для немцев - для жителей выкрикивал. Переводчик пересказал его речь совсем коротко. Так что майор даже разозлился, рявкнул:

- Переводи все!

После допроса майор и другие немецкие офицеры ушли в штабную хату. А Лавров сел на завалинку, привалился спиной к стенке. Его стерегли автоматчики и переводчик. Оцепление тоже осталось, и жители не расходились. И тут Лавров стал костить переводчика:

- Не много же ты от немцев за свою измену разжился...

Дивчата прыскали в ладошки, а переводчик молчал, только переступал с ноги на ногу, стараясь одной босой ступней прикрыть другую. Внезапно он спросил Лаврова:

- Коммунист?

- Да, коммунист! А ты все-таки скажи, чем тебя немцы вознаградили?

- Ну, вот... хлеб дают...

Лавров с презрением от него отвернулся. Однако малость погодя тряхнул головой, словно на что-то решился, и спросил:

- Скоро меня расстреляют?

Переводчик ответил хмуро:

- Откуда я знаю.

И Лавров лишь махнул рукой. Задумался о чем-то.

Но недолго посидел тихо. Как только переводчик ушел в штабную хату, летчик крикнул жителям:

- Скоро наши придут!

Совсем рядом с хатой находилась еще одна хатенка.

До войны Анна Семеновна держала в ней кур, а теперь сама там жила. После допроса в хатенку и из нее входили и выходили

жители - чтобы пройти мимо летчика, получше его разглядеть. И когда Анна Семеновна прошла так, наверно, уже в третий раз, Лавров пробормотал: "Все равно убегу!"

Капитан Леднев спросил Анну Семеновну:

- А еще кто-нибудь слышал эти его слова?

Оказалось-еще одна женщина. И Леднев подумал:

"Володя давал им понять, чтобы помогли бежать". Но, конечно, не стал упрекать Анну Семеновну за недогадливость.

Он показал жителям фотографию Лаврова. Все сразу его узнали, только заметили, что на фотографии Лавров снят еще лейтенантом-сказали: "На погонах у пленного было три звездочки, а не две". Зато обилие орденов их удивило.

Второй допрос происходил на хуторе Кислицком в доме Марии Матвеевны Сивопляс, где тогда помещался штаб семнадцатой пехотной дивизии немцев. Этот дом капитан Леднев не мог назвать хатой. Высокие потолки, деревянные крашеные полы, большие окна. И во всех четырех комнатах дома имелись настоящие двери - не занавесочки, заменявшие их в большинстве хат. Да и сама хозяйка не походила на деревенскую женщину. Мария Матвеевна была одета, несмотря на жару, в закрытое темно-коричневое шерстяное платье и глухо повязана платком из той же материи. Всем своим обликом напоминала монашенку. Или носила по ком-то траур? И говорила она степенно, почти не проявляя своего отношения к тому, о чем рассказывала.

Допрос Лаврова велся за закрытой дверью. Участие в нем принимали полковник, два подполковника, несколько майоров и капитанов. Однако Мария Матвеевна и ее взрослая дочь на правах хозяек все время находились в передней, и кое-что им удалось разобрать.

Леднев разговор с ними начал, показав фотографию Лаврова. Мария Матвеевна, ее дочь и их сосед Михаил Антонович Тяглов сразу подтвердили: именно этого летчика здесь допрашивали. Мария Матвеевна сказала:

- Да, он невысокий, кряжистый - у нас таких называют "дубок". А голова большая, лоб с зализами...

На допрос был вызван еще один пленный летчик, похожий лицом на татарина или калмыка. Он сел в районе хуторов Самойлов - Печерский "без колес", то есть на фюзеляж. При посадке летчик ударился головой о приборную доску, потерял много крови и сильно ослабел.

В это время мужчины и женщины с хуторов Кислицкий и Печерский работали в поле поблизости и видели, как немцы вынимали его из самолета, - он висел у них на руках словно тряпка. И от слабости на допросе почти не отвечал. Когда обоих

летчиков еще вели туда, одна женщина посочувствовала раненому: "Бедный! Сколько крови потерял!" А Лавров живо к ней обернулся и воскликнул: "Я бы половину своей крови отдал, только бы очутиться по ту сторону фронта!"

По словам Марии Матвеевны, немцы начали допрос обыкновенно: имя, фамилия, звание? Лавров молчал.

Тогда ему показали советскую газету, где он снят со всеми орденами и о нем написано, что вот недавно получил звание Героя, а также - сколько им сбито самолетов.

Лавров ответил сердито:

- Раз сами знаете, зачем же спрашиваете?

Леднев догадался: видимо, показывали Лаврову армейскую многотиражку.

Немецкие офицеры стали предлагать Лаврову перейти к ним на службу. Они долго его уговаривали. Уверяли, что дадут именной самолет самого высшего качества и много денег. Но Лавров отвечал гордо:

- Честью своей не торгую, Родину свою никогда не предам!

Немецкий полковник стал зачем-то с важностью объяснять Лаврову:

- Имейте в виду, что вы находитесь в штабе дивизии!

Хотел придать больше значения своему предложению перейти на службу к немцам? А Лавров никаким почтением не проникся, сказал:

- Эх, жаль, мы не знали! Не то жарко бы вам здесь пришлось!

После допроса Лаврова одного вывели из дома и посадили на скамейку в палисаднике. Охраняли его четверо автоматчиков. Но жители все же собрались вокруг в некотором отдалении, и Лавров неожиданно крикнул им:

- Вот, вчера был в Москве, а сегодня тут подыхать буду!

Одна женщина заплакала, и Лавров добавил:

- Ничего, вас-то скоро освободят, везде Красная Армия наступает, бегут немцы!

Когда из дома вышел переводчик, Лавров спросил его:

- Ну, скоро меня расстреляют или пытать еще будут?

Тот ответил:

- Вас обоих отправят в лагерь для военнопленных.

Лавров не поверил, сказал громко:

- В какой подвал ни запрете, все равно убегу!

Капитану Ледневу очень хотелось понять, почему Лавров открыто говорил о побеге. Чтобы спровоцировать немцев на немедленный расстрел, чтобы избежать пыток? Но вряд ли Лавров совсем уж потерял надежду на спасение. Может, просто бравадой мстил врагам за унижение плена, поддерживал в себе

боевой дух?

Свой письменный рапорт генералу Леднев закончил сообщением, что после второго допроса Лаврова продержали всю ночь под сильной охраной на хуторе Добрицыне, а утром увезли. Видимо, в штаб шестой армии противника.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Капитан Леднев подписал рапорт и задумался. Наверно, следовало отложить возвращение в часть до утра.

Темнота уже надвигалась. И шофер, и он сам устали...

Однако и поспешить стоило-на случай внезапного перебазирования дивизии на новые аэродромы. К тому же сомнения одолевали Леднева. Ведь его рапорт, по сути, обвиняет Тарасенко в обмане командования! Трудно представить, что Тарасенко-ведомый-не видел, как его ведущего брали в плен. А из-за вранья потрачены десятки самолето-вылетов на заведомо ненужные поиски.

Да и эта поездка Леднева...

Генерала может возмутить ложь Тарасенко. Остается надеяться, что генерал поймет: Тарасенко соврал лишь потому, что не хотел пачкать имя друга словом "пленный". Но почему он не признался хотя бы генералу Строеву?

Может быть, и Ледневу тоже следует скрыть все ото всех? Не подавать подробный рапорт, не подводить им Тарасенко - просто доложить: никаких следов Лаврова не найдено... А шоферу и автоматчикам объяснить: правдой мы Лаврову все равно не поможем, но Тарасенко подведем. Они уже наслышались от жителей про геройское поведение Тарасенко, прониклись к нему симпатией... Конечно, когда о тайне знают четверо... Достаточно одному из его спутников где-нибудь случайно проболтаться... и вместе с Тарасенко под суд угодит еще и капитан Леднев.

Да и кто дал капитану Ледневу моральное право единолично решать этот сложный вопрос? Не лучше ли спросить летчиков полка, их командира-людей, хорошо знающих и Лаврова, и Тарасенко?

Но тогда надо ехать сейчас же, чтобы успеть незаметно побывать у Ковача, прежде чем возвратиться в свой полк, прежде чем передать рапорт генералу.

Автоматчики прекрасно и в кузове выспятся - на трофейном ковре. Ну, а вести машину... придется капитану Ледневу по очереди с шофером, какими бы усталыми они оба ни были.

Опять капитан дал своему экипажу команду: "По коням!"

Трудно водителю на незнакомой дороге, в темноте, когда ни на минуту нельзя включить фары - светомаскировка! И много тяжелее ему приходится, если он к тому же весь день работал. Но

еще хуже, если он знает: в любой момент его одинокую машину могут обстрелять из развалин ближнего хутора, даже из придорожной канавы какие-нибудь заблудившиеся немцы. И когда он знает: по обе стороны дороги минные поля, и стоит ему на секунду зазеваться, заснуть за рулем, свернуть чутьчуть с колеи...

А все-таки усталость брала свое- и шофер, и капитан Леднев мгновенно засыпали, едва успев отдать руль.

В полку Ковача и сам командир, и другие летчики одобрили рапорт капитана. Они поняли Тарасенко и посоветовали рассказать все как есть.

- Посмотришь, все будет в порядке. Главное, что оба вели себя по-геройски, что советские люди, прожившие два года под немцем, увидели, какие у нас летчики.

Утром капитан подал генералу свой рапорт. А когда генерал его прочел, рассказал о людях, встреченных во время поисков. И принялся горячо защищать Тарасенко, даже признался, что заезжал в полк Ковача, говорил с ним, с летчиками...

Генерал улыбнулся, спросил:

- Что же они вам посоветовали?

Леднев сказал, и генерал как бы подвел итог:

- Оказывается, они обо мне лучшего мнения, чем вы.

Но, видно, заметил тень на лице Леднева, добавил уже повеселее:

- За Тарасенко не беспокойтесь, в обиду его никому не дам и сам на него обиду не держу. Только в ходе этих поисков и вы, наверное, убедились, и Тарасенко теперь, должно быть, понял: врать не стоит-себе дороже обходится. Правда, пусть самая горькая, всегда лучше.

А через две недели Аня Брагина влетела в кабине!

генерала Строева, не постучав. В руках у нее серпантиновой змейкой вилась лента с аппарата СТ-35. Девушка даже не успела наклеить ее на бланк. Вбежав, Аня только выдохнула:

- Товарищ генерал, вам! - И протянула ленту.

Пока генерал читал, нетерпение на лице Ани постепенно сменялось тем выражением, особенно свойственным девушкам и молодым женщинам, которое можно назвать готовностью к соучастию в радости. Наконец генерал поднял глаза, улыбнулся, проговорил задумчиво:

- После рапорта капитана Леднева, который, помнится, вы передавали в армию, мы оба про себя надеялись: Лавров убежит из плена, вернется к нам...

И мгновенно Аня из ожидающей превратилась в сообщницу-щеки ее вспыхнули, она сразу похорошела и воскликнула:

- Да, да! Я только боялась это вслух сказать.

Встречали Владимира Лаврова в дивизии и в полку радостно.

Николая Тарасенко-вот кого первого поблагодарил Лавров за самоотверженное отбивание своего ведущего от приближающихся немецких автомашин. И не преминул спросить:

- Что ж ты мотоциклистов-то не тронул?

- Тебя боялся убить.

- Эх, как я тебя за это клял!

- Зато теперь...

- Теперь, теперь... Теперь-то иное дело, да разве тогда мог я так думать?

И капитан Леднев вспомнил о своих недоумениях, спросил Лаврова:

- Почему ты переводчику в присутствии жителей говорил, что убежишь? Зачем врагов-то предупреждать?

- Ну как же ты не понимаешь! Ведь у меня какое настроение было? Только что мне в Кремле Звезду вручили-я самого себя зауважал. И вдруг-плен! Да ведь это ж какое унижение-от врага зависеть? Вот я и твердил: "Нет, не покорюсь, убегу!"

Леднев попытался представить себе: только что ты был в состоянии полной свободы - самолет тебе покорен, ты летишь, ни маршрута у тебя, ни участка патрулирования - ищи врага где хочешь! И вот ты встретил "раму", и вот-вот собьешь ее-ты счастлив, что все тебе удается, радуешься своей умелости... Но вдруг такой внезапный переход! Ты едва из самолета на парашюте спасся, а на тебя уж навалились, связали, будто овцу какую-то... Как тут не взбеситься, не заорать, не запротестовать? Непереносимо!

Больше Леднев не приставал к Лаврову с вопросами.

Ведь не все и не всегда одним умом решается, что-то и от чувства идет могут иногда люди совершать поступки, которые потом и самому себе не объяснишь?

С тем бы Леднев и остался, да Лавров сам к нему подошел, сказал:

- Сначала так мне тошно было, что хоть на автоматы их грудью бросайся. Но тут меня одна девчонка здорово поддержала, никогда не забуду.

Лавров помолчал - видно, воспоминания очень сильно его взволновали. А Леднев удивился, спросил:

- Какая девчонка?

- Да вот... после первого допроса. Остался я сидеть на завалинке. Хоть на солнце погреться, пока в подвал не загнали. Рядом четверо часовых с автоматами, а вокруг стеной дивчата набежали во время допроса из соседних деревушек. Часовые их,

конечно, отгоняли, да ведь им любопытно! И вдруг за мной приехали на машине два жандарма. Тут сразу суматоха: жандармам надо взять с собой протокол допроса, а им часовые суют мой парашют. Жандармы в сердцах его отшвырнули, пошли в штабную хату. Ну, дивчата и воспользовались: мигом разорвали шелк - на платки! Часовые было их отгонять взялись, да боятся от меня отойти. Все же в сутолоке этой ко мне девчушка лет десяти-двенадцати прорвалась, сунула кусок пирога с вишнями и хлеба полбуханки. Хлеб часовые заметили - отняли, а пирог я успел спрятать. Дед там еще один был - я все на него смотрел. Так он мне, представляешь, в пояс поклонился. И я тогда подумал: "Нет, не поддамся немцам зазря, на пулю не буду нарываться, а все-таки любую возможность использую, чтоб сбежать".

Снова Лавров замолчал. Но теперь Леднев его не торопил, ни о чем не спрашивал. Думал: что испытывал бы на месте Лаврова? Наверно, те же чувства...

И Лавров заговорил сам:

- Да вот еще-уже во второй деревне... или в третьей... Меня туда привезли к вечеру - темнеть стало.

Показали: вылезай, мол! Часовые вокруг встали тесно, засветили карманные фонарики. Наконец повели. Смотрю: вот уж дома на исходе выходим в поле. Потом вижу: сбоку ров тянется. Мы идем мимо него, по самому краю. "Ну, думаю, все!" И веришь ли, сделался я словно неживой, словно меня что-то сковало. Ноги передвигаю, а чувствовать, думать о чем-нибудь-не могу... Но вот провели мимо рва, и поле кончилось, опять пошли какието хаты, садочки возле них... Завели меня в один дом.

Показали: ложись, спи. На голом глиняном полу. Ну, голова горит, пить хочу-нет спасу, а тут еще мысли разные лезут-нельзя ли сбежать? Никак не могу заснуть. Слышу за печкой, в соседней комнатушке, люди между собой разговаривают. Мол, вот скоро наши придут, а летчику этому бедному... И так мне себя жалко стало, хоть плачь. Ну, тихо попросил: "Дайте воды!"

Из-за перегородки вышла старуха с ковшиком. А часовой, зараза, выхватил ковш и всю воду-старухе в лицо!

Как я тогда утерпел - не знаю. Только лицо старухи никогда не забуду. Прошло с полчаса, и вдруг вижу: из-под печки тянется рука... с мокрой тряпкой! Я скорее эту тряпку к губам. Полегчало. Отдал тряпку, мне еще протянули. Но в третий раз часовой, зараза, отнял, заругался, ногами затопал. Потом навел на меня автомат, забормотал: "Пук, пук!" Всю ночь я не спал...

Сколько раз Лаврову пришлось рассказывать историю своего бегства из плена? Наверно, он и сам не сумел бы сосчитать.

В штабе шестой гитлеровской армии старшего лейтенанта

Лаврова допрашивали с пристрастием, держали в тюрьме. Но выудить из него какие-нибудь секретные сведения? Не на такого напали! И вот Лаврова, вместе с другим пленным летчиком, отправили поездом в Берлин. Там такие специалисты, что у них даже камни заговорят! Сопровождали пленных два офицера и два солдата, отпускники, - не отрывать же лишних людей от армии. А поезд был составлен из старинных вагонов - без внутреннего коридора. Двери каждого купе открывались прямо наружу, и вдоль всего вагона тянулась длинная общая ступенька.

И тут Лавров схитрил: весь день на остановках открывал и закрывал за "господами офицерами" дверь купе. Так он достиг сразу трех целей: учтивостью постепенно притупил бдительность стражей, ослабил тугой замок двери и незаметно пересел от окна поближе к выходу.

Наступила ночь. Лавров и его товарищ сделали вид, будто заснули сидя. Офицеры последовали их примеру, откинулись на спинку сиденья. А солдаты приступили к ужину-положили себе на колени огромный чемодан, разложили на нем всякую снедь...

Лавров с товарищем сидели напротив. Сквозь приоткрытые веки Володя наблюдал за приготовлениями немцев к еде. Они медленно тонкими ломтями резали хлеб и толстыми шматками-сало. Складывали бутерброды ровно-так, чтобы края сала не заходили за хлебные корки. Перед каждым солдатом в небольшие розетки была насыпана соль. Огурцы они разложили на две равные кучки. Не спеша, аккуратно вскрывали консервы... Чувствовалось: солдаты наконец освободились от скованности, которую испытывали в присутствии офицеров. И сейчас оба немца расслабились, вели себя как дома.

Еле заметно Лавров локтем подтолкнул товарища.

И мгновенно летчики вскочили, опрокинули тяжеленный чемодан на солдат-придавили их к спинке скамьи.

Правой рукой Володя открыл разболтанный за день замок двери, и один за другим летчики выпрыгнули из вагона на ходу поезда.

Лавров сложился, словно для сальто, обхватил голову руками. Им повезло: упали на склон насыпи. Володя колесом покатился вниз по скату, даже не ушибся. И его товарищ тоже удачно прыгнул.

Пока немцы спохватились остановить состав, летчики были уже далеко.

В лесу летчики наткнулись на партизан. И те переправили их на восточный берег Днепра - в расположение наших войск. После телефонного разговора со штабом воздушной армии Лаврова сразу туда и отослали.

Командующий генерал Хребтов, начальник штаба, начальник политотдела да почти все офицеры штаба воздушной армии по рапорту капитана Леднева уже знали о геройском поведении Лаврова в плену.

А капитан Леднев радовался еще и победе над собой.

Ведь если бы он скрыл то, как Лавров держался на допросах, написал бы в рапорте: "Никаких следов Лаврова не обнаружено", - к возвращению Володи, возможно, отнеслись бы с подозрительностью. Но рапорт Леднева не только Лаврову помог- Николаю Тарасенко тоже...

И теперь капитану казалось странным, что он так боялся за Тарасенко, когда писал рапорт.

Перед отъездом из штаба дивизии в свой полк Лавров зашел к генералу Строеву. Сказал немного смущенно:

- Хочу поблагодарить вас, товарищ генерал. Вот изза моей спешки с этой "рамой" сколько хлопот получилось...

Арсений Борисович откликнулся живо:

- А ведь, выслушав Тарасенко, я почти не сомневался, что вы попали в плен. Но его рассказы уже создали у летчиков полка твердую уверенность: спасем Лаврова, если Тарасенко приземлится на У-2 рядом с тем сараем, вытащим нашего героя из-под носа у немцев!

И нельзя было не поддержать всеобщее настроение. Вот я и принял предложение Тарасенко. Генерал Хребтов согласился, дал приказ... Нет, это были не хлопоты - порыв! И благодаря ему мы большие потери нанесли противнику...

Генерал сделал паузу и добавил:

- Еще могу вам сказать. Как только я понял, что вы в плену, сразу возникла у меня необъяснимая надежда: Лавров найдет способ вырваться! И я рад, что моя надежда сбылась.

Арсений Борисович замолк, подумал: "Теперь пожать ему руку и отпустить? Ведь его ждут в полку..." Но тут же мысленно перебил себя: "Да, с возрастом мы как-то делаемся скупее на выражение чувств. В молодости не стыдно было и обнять, и похлопать по плечу, и даже поцеловать. Потом уже протянуть руку. А еще через несколько лет - ограничимся приветливой улыбкой? Вот стоит передо мной человек, отважный до отчаянности, открыто высказывающий свои мысли. Разве не заслуживает он такой же ответной открытости?"

И все-таки командир дивизии был сдержан, как всегда, - протянул Лаврову руку.

Лавров ушел, и Арсению Борисовичу вспомнилось: тогда вечером двадцать третьего августа генерал Токарев правильно предсказал. Немцы, сбитые с толку весьма успешным налетом его

"горбатых", действительно перенацелили часть своих резервов от Саур-могилы в район того сарая, у которого садился Тарасенко. Об этом на следующий день генералу Строеву донесли истребители-разведчики. А он с удовольствием доложил командующему воздушной армией. Так что в ходе Миусской наступательной операции вечерние поиски Лаврова помогли войскам фронта завершить прорыв в районе Саур-могилы. Нет, не зря они хлопотали.

...За те три недели, что протекли со дня злосчастного воздушного боя Лаврова до его возвращения в часть, войска фронта вышли на восточный берег Днепра, стремительно освободив Донбасс и почти всю северную Таврию.

1975